

B HOMEPE:

Арторон (Дмитрий Годкин).
Час воина: исчисление времени в Арде (доклад, прочитанный на IX конвенте ролевых игр «БлинКом» в 2008 г.)
Артем Крюков.
О Брего – «первом короле Марки»
Кеменкири (Лебедева Е.Ю.).
К истории королевской власти у эльфов: «король земли» и «король народа» (доклад, прочитанный на XIII БлинКоме)
Джонатан Пэдли, Кеннет Пэдли.
«И в отраженьи Истины ясней мы Истину поймём»: Дж.Р.Р. Толкин и отражения
Иисуса Христа в Средиземье (продолжение). Перевод Марии Семенихиной 40
Хельги Липецкий.
Внешний облик айнур. Доклад для секции толкинистики БлинКома- XIII (09.12.2012)

На последней странице - работа Моргул «Каменные тролли»

ΠΑΛΑΗΤΟΡ

№67 март 2013

Palantir®

Журнал Толкиновского Общества Санкт-Петербурга

Этот номер для вас делали: Золтан Бардинг, Мария Семенихина, Моргул

e-mail: barding@mail.ru twitter: TolkienSpbRu Наш сайт: tolkien.spb.ru

Copyright © 1997-2013 Толкиновское Общество СПб

Права на все опубликованные материалы сохраняются за авторами. Перепечатка любых публикаций и их частей без разрешения Толкиновского Общества Санкт-Петербурга запрещена. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Редакция оставляет за собой право производить необходимые правки в публикуемых материалах. Просим авторов соблюдать принятое в журнале оформление материалов, учитывая используемые шрифты и кегли, оформление сносок, иллюстраций и таблиц. Благодарим авторов за сотрудничество с журналом.

Издание журнала не преследует коммерческих целей. Тираж - 100 экземпляров.

Редакция журнала благодарит автора использованных в издании шрифтов Tengwar Quenya и Tengwar Sindarin Дэниеля Стивена Смита.

Мне бы хотелось начать доклад с цитаты, принадлежащей корифею современной медиевистики Жаку Ле Гоффу. Как убежден историк, «отношение к труду и времени суть основные... аспекты общества и... их изучение – наилучший способ познания истории» (1). Трудно переоценить ту роль, которую сейчас играет исследование времени в культуре. Мне кажется, эту тему не стоит обходить молчанием, когда речь заходит и о фантастических мирах. В литературном мире мы сталкиваемся с другой цивилизацией, в чем-то очень непохожей на нашу. Современный человек привык жить, не сводя глаз с циферблата. Минута, час, секунда вошли в наши сознание и язык очень глубоко, а ведь это, в сущности, недавнее изобретение европейского человека.

Тема времени в творчестве Толкина очень широка. У нас пойдет речь лишь о том, как персонажи его мира исчисляют время малой протяженности (в пределах суток): именно здесь ярче всего различия между традиционным обществом и современностью. В деревне, при натуральном хозяйстве, нет острой нужды в измерении времени. Много тысячелетий человек жил, подчиняясь природным ритмам (смена дня и ночи), труд его не нуждался в интенсификации, в жесткой регламентации (трудились от зари до зари – и в то же время, как свидетельствуют очевидцы, русский крестьянин в разгар «рабочего дня» мог лечь посреди пашни и поспать)... Ценность времени, стремительность его течения не ощущались. Да и с технической точки зрения измерять время – непросто.

Древнейшие часы — это гномон, то есть воткнутая в землю палка (возможно, самая простая из машин, созданных человечеством), тень ее позволяла определить, который час. Из гномона еще в древности развились солнечные часы. Меньшей точностью обладали «огневые часы» (например, свечи заданной длины). В античности широкое распространение получили и водяные часы (клепсидра). Песочные часы распространились поздно, уже в Средневековье. Эти приспособления бывали очень остроумны, но у всех их обнаружились серьезные недостатки. Солнечные часы работают лишь днем и в ясную погоду, клепсидра громоздкая и дорогая, песочные часы довольно дешевы, но неточны.

Потому люди оперировали большими и не очень точными промежутками времени. Ученые схоласты знали, что один час делится на 60 «минут», 60^2 «секунд» и 60^3 «терций» –

никто в обычной жизни этих «минут» и «секунд» не использовал (как и теперь никто из нас не меряет время «терциями»).

И даже час был непостоянной, условной величиной. Дело в том, что до XIV века и день, и ночь делили ровно на 12 часов (по отдельности). Но светлое и темное время суток неравны – и соответственно, неравны «часы» днем и ночью. Так, в Петербурге 14 декабря 2008 года [дата проведения БлинКома] световой день длится ровно 6 часов. Длина «ночного часа» должна составить полтора часа (18/12), длина «дневного часа» – только полчаса (6/12), то есть в три раза меньше. «Дневной» и «ночной» час сравняются лишь в равноденствие.

Впрочем, и счет на часы был редкостью. Люди охотнее использовали промежутки времени по три часа — четвертая часть дня и половина пути солнца к зениту. Ночь тоже разделялась на четыре стражи. По этому принципу исчислялось церковное, богослужебное время (хвалитны, час 1-й, час 3-й, час 6-й, час 9-й, вечерня, повечерье, заутреня). В ранее и высокое Средневековье Церковь пользовалась монополией на исчисление времени. Люди узнавали, который час, по удару церковного колокола.

Современное времясчисление — результат развития общества и техники в позднее Средневековье — раннее Новое время. И разделение суток на 24 равных часа, и распространение механических часов в Европе началось с XIV века — это связано с развитием городской экономики и зарождением капитализма. В то время появляется практика ночного труда, а мастера и подмастерья вступают в острый конфликт из-за рабочего времени. Пределы трудового дня теперь определяет не восход и заход солнца, а удар рабочего колокола. Тот, в чьих руках был колокол, мог задержать или ускорить его удар. И началась борьба за власть над часами! Ее итогом стало распространение механических (башенных) часов с XIV века — время теперь определял не хитрый работодатель, а беспристрастный механизм.

Сутки теперь стали делиться на 24 равных часа – и время считать стало проще, в том числе и при помощи солнечных часов, клепсидр и т. п. Но возникает и противоречие с «природным» временем (как в русской пословице: «Солнышко всходит, барских часов не спрашивает»). Действительно, если мы приурочим, скажем, зенит солнца к строго определенному часу («полдень»), восход и закат уже не будут «привязаны» к точному времени, ведь длина светового дня меняется. Если же начинать счет часов с рассвета, то через шесть «стандартных» часов солнце не обязательно будет стоять точно в зените...

Когда же начинать отсчет времени? С рассвета, с заката, с полудня, с полуночи? В разных городах бывало по-разному. До раннего Нового времени в Европе царил разнобой.

В Новое время рост часового дела связан с потребностями буржуазии. Распространяются комнатные и карманные часы — на первых порах еще неточные, несовершенные. Появляются минутная и секундная стрелка. В XVII веке над их развитием работают великие ученые: Галилей, Гюйгенс. В XVIII веке появились уже вполне надежные часы — морской хронометр (точное время критически важно для определения долготы).

Один из важных аспектов в развитии современной цивилизации – это овладение временем.

Имея в виду такой исторический «фон», я хотел бы исследовать счет времени в Арде, преимущественно в Третью Эпоху. Это вопрос весьма сложный, и он требует скрупулезного изучения всех текстов Толкина. Не претендуя на его окончательное решение, наметим в

основных чертах схему, который в дальнейшем можно будет и уточнить. Самые содержательные источники по нашей теме принадлежат корпусу «Властелина Колец»; полезные сведения есть также в «Хоббите», в «Неоконченных Сказаниях», в «Анналах Амана».

Эльдар

Первые сведения о времясчислении относятся к Дням Древ в Валиноре. День Древ разделялся на двенадцать «часов»: пять «часов» сиял один Тельперион, пять «часов» – один Лаурелин и дважды в День (по одному «часу») – оба Древа (смешение света).

In seven hours the glory of each tree waxed to full and waned again to naught; and each awoke once more to life an hour before the other ceased to shine. Thus in Valinor twice every day there came a gentle hour of softer light when both trees were faint and their gold and silver beams were mingled. Telperion was the elder of the trees and came first to full stature and to bloom; and that first hour in which he shone, the white glimmer of a silver dawn, the Valar reckoned not into the tale of hours, but named it the Opening Hour, and counted from it the ages of their reign in Valinor. Therefore at the sixth hour of the First Day, and of all the joyful days thereafter, until the Darkening of Valinor, Telperion ceased his time of flower; and at the twelfth hour Laurelin her blossoming. And each day of the Valar in Aman contained twelve hours, and ended with the second mingling of the lights, in which Laurelin was waning but Telperion was waxing. (Silm., ch.1)

[За семь часов каждое дерево разгоралось и угасало; и каждое начинало сиять вновь за час до того, как тускнело другое. Потому в Валиноре дважды в день наступал дивный час, когда свет обоих деревьев был слаб, и их золотистые и серебряные лучи смешивались. Тэльперион был старшим из деревьев и первым достиг полного роста и цветения; и первый час его сияния – серебристо-белый рассвет – Валар не внесли в счет часов, а назвали Часом Открытия и отсчитывают от него века своего правления в Валиноре. Потому в шестой час Первого Дня – и всех последующих дней до Затмения Валинора – Тэлперион умерял свой блеск; а на двенадцатый – Лаурелин свое цветение. И каждый день Валар в Амане состоял из двенадцати часов и кончался со вторым смешением цветов, когда Лаурелин угасал, а Тэлперион разгорался (пер. Н. Эстель)]

Как сказано в «Анналах Амана», один «час» Дня Древ был равен семи нашим часам (День Древ, соответственно, продолжался 84 наших часа или 3,5 солнечных суток):

Yet the hours of the Trees were each seven times as long as is one hour of a full-day upon Middle-earth from sun-rise to sun-rise, when light and dark are equally divided (10). (*Morgoth's Ring*, p. 50) [Но часы Деревьев были каждый в семь раз длиннее, чем один час полного дня в Средиземье, от рассвета до рассвета, когда свет и темнота делятся поровну]

10. In the earlier Tale of Years version "from sun-rise to sun-rise" was changed in pencil to "from sunset to sunset", and the following sentence "at such times as light and dark are equally divided" was bracketed. The second version has a different reading: "from sunset unto sunset beside the Shores of the Great Sea". (*Morgoth's Ring*, p. 57) [В более раннем Сказании Лет вариант «от рассвета до рассвета» и последующее предложение «когда свет и темнота делятся поровну» были взяты в скобки. Второй вариант читается иначе: «от заката до заката у Берегов Великого Моря»].

Этот фрагмент принадлежит к «экскурсу», который восходит к работе Квеннара Онотимо «Йенонотиэ» и включен в «Анналы Амана» Пенголодом (Morgoth's Ring, p. 51). То, что Толкин указал «внутреннего автора», очень важно. Пенголод работал в конце

Первой Эпохи и во Вторую Эпоху. Текст, следовательно, должен согласоваться с реалиями этих времен.

В позднейшей версии этого текста эльфы считают сутки «от заката до заката», что подтверждается Приложением D к «Властелину Колец» («А "day" of the sun they called *ré* and reckoned from sunset to sunset» [«День» Солнца они называли *ré* и считали его от заката до заката]). Особо любопытна оговорка «one hour ...when light and dark are equally divided» (то есть в равноденствие). Час «солнечного» дня у эльфов не имел фиксированной длины, иначе оговорка о равноденствии не имела бы никакого смысла. Следовательно, эльфы и день, и ночь делили на 12 часов по отдельности (по крайней мере, в те времена, когда Пенголод редактировал «Анналы Амана»; изменилась ли ситуация к концу Третьей Эпохи, неизвестно). Сама традиция делить день на 12 часов, вероятно, пришла из Валинора времен Древ.

Время у эльфов отбивали колокола. По крайней мере, в Имладрисе полдень отбивал колокол (ВК, т. 1, кн. II, гл. 2), как и начало Белого совета (ibid.). Колокола не были эльфийским изобретением. Они появились в Валмаре еще до прихода эльфов (Сильм., гл. 4). С «глубоким» звуком валмарских колоколов сравнивался голос Хуана (Leithian: 2258, 3414) Неясно, имелась ли уже в ту пору связь между колоколами и счетом времени. Известно, впрочем, что важные события (приход Эарендиля) знаменовал звон валмарских колоколов (SM:184, LR:325). Можно предположить, что эльфы научились колокольному литью в Валиноре и принесли эту технологию в Средиземье во время Исхода. Уже в Первую Эпоху королевскую охоту в Дориате сопровождает звон колокольчиков (Leithian: 91, ср. сведения из «Властелина Колец» о колокольчиках у коня Глорфинделя).

Об исчислении времени у эльфов мы знаем обидно мало. Неясно, когда (кроме полудня) били в Имладрисе колокола и отбивался ли каждый час — или же эльфы на практике пользовались большими временными интервалами. Во всяком случае, известно, что Маэдрос вышел на Битву Бессчетных Слез «в третьем часу утра», «at the third hour of morning» (Silm., ch. 20).

По нашему счету, это должно составить половину восьмого утра (в конце июня на широте Москвы или южной Шотландии световой день составляет 17,5 часов; рассвет, без учета декретов и часовых поясов, должен, по местному времени, наступать в 3 часа 15 минут; день начала битвы указан в «Сильмариллионе»; широта Хоббитона известна из «Писем» Толкина (Letters, р. 376), что позволяет, обладая картами и масштабом, уверенно разместить Химринг и Дортонион между 55 и 56 градусами северной широты).

Нуменор

Как сказано во «Властелине Колец» (Appendix D), нуменорцы изменили календарь: начало суток они стали отсчитывать с восхода солнца (а не с заката). Гораздо более любопытные сведения дает очерк «Поражение в Ирисной Низине» из «Неоконченных Преданий».

Нуменорцы «were accustomed to move fully-armed at eight leagues a day «with ease»: when they went in eight spells of a league, with short breaks at the end of each league (*lár*; Sindarin *daur*; originally meaning a stop or pause), and one hour near midday. This made a "march" of about ten and half hours, in which they were walking eight hours. This pace they could maintain for long periods with adequate provision. In haste they could move much faster, at twelve leagues a day (or in great need more), but for shorter periods. At the date of the disaster, in the latitude of Imladris (which they were approaching), there were at least eleven hours of daylight in open country; but at midwinter less than eight» (*Unfinished Tales*).

[...привыкли проходить в полном вооружении по восемь лиг в день «легким маршем»: с короткими привалами через каждую лигу (lár, синдаринское daur, первоначально обозначавшее «остановка, перерыв») и часовым отдыхом около полудня. Это составляло «переход» в десять с половиной часов, восемь из которых они шли. Таким темпом они могли идти много дней подряд, если провизии было достаточно. При необходимости нуменорцы могли двигаться быстрее, проходя по двенадцать лиг в день (или даже больше, если очень спешили), но не так долго. В день гибели отряда на широте Имладриса (которого они почти достигли) световой день на открытой местности длился одиннадцать часов, а в середине зимы – менее восьми (пер. М. Авдониной, А. Хромовой)]

Отсюда следует, что точный счет времени применялся в военном деле. Нуменорская лига была равна одному часу пути для отряда тяжеловооруженной пехоты. Стандартный марш составлял 8 часовых переходов с одной большой остановкой (на час) и шестью малыми (по 15 минут). У нуменорцев час стал постоянным. Только в этом случае возможна такая точная «привязка» часа к мерам длины. Счет часов (более или менее точный) должен был прочно войти в нуменорскую культуру и быт! О том, как совершился этот переворот, нам, к сожалению, ничего не известно...

Третья Эпоха

До сего времени наши известия были очень скудны. В конце Третьей Эпохи ситуация радикально меняется! «Властелин Колец» (и связанные с ним тексты) дают нам больше, чем все остальные произведения.

Во «Властелине Колец» есть два «пласта»: 1) описание Шайра и хоббитов, 2) описание остального мира. Их не всегда легко бывает согласовать, в описании Шайра есть необычные анахронизмы.

В мире «Властелина Колец» существовало не меньше трех систем отсчета часов: у гондорцев, у хоббитов и у эльдар; в Гондоре, по-видимому, имелось еще две локальные разновидности (Минас-Тирит и Дол Амрот). «Сейчас не может быть больше девяти», – думает Пиппин на аудиенции с Денетором. Но вскоре в Минас-Тирите бьет *третий* час (после восхода солнца)! Такой же разнобой бывал и в доиндустриальной Европе...

В какой степени жители Средиземья смогли «овладеть» временем? У нас создается двойственное впечатление.

Счет «часов» прочно вошел в культуру и быт самых разных народов. По-видимому, час уже имел постоянную продолжительность (как в позднее Средневековье). Это доказывает цитата из второй главы четвертой книги:

'When he woke up the sky above was dim, not lighter but darker than when they had

breakfasted. Sam leapt to his feet. Not least from his own feeling of vigour and hunger, he suddenly understood that he had slept the daylight away, nine hours at least' [Когда он проснулся, небо над ним было мрачным; оно стало не светлее, но темнее, чем тогда, когда они завтракали. Сэм вскочил на ноги. Он внезапно понял (в том числе и по собственным ощущениям голода и бодрости), что проспал весь световой день, по меньшей мере девять часов].

Сэм очень неточен: даже на широте Шайра за месяц до весеннего равноденствия световой день длился бы дольше десяти часов (а в тот момент Фродо, Сэм и Голлум были недалеко от Мертвецких болот). Важно, однако, что здесь показана точка зрения именно Сэма, а не автора романа: «he suddenly understood that he...». Сэм не мог бы так считать, если бы делил любой день на 12 часов.

По всей вероятности, «равными» часами оперирует и Арагорн, когда определяет по следам: «It is thrice twelve hours, I guess, since the Orcs stood where we now stand. If they held to their pace, then at sundown yesterday they would reach the borders of Fangorn» [Я думаю, прошло уже трижды по двенадцать часов с тех пор, как орки побывали там, где мы сейчас стоим. Если они не сбавляли скорости, то вчера на закате они достигли бы Фангорна]. Следопыт был очень точен, и погрешность составила лишь два часа: орки побывали в этом месте не за 36, а за 38 часов до прихода Хранителей (2). Такие расчеты и такая точность были бы немыслимы, если бы дунадан не оперировал «равными» часами. В его родных краях, на Севере, длительность дня и ночи очень сильно различается. Мало того! Арагорн рассчитал скорость орочьего отряда и, зная расстояние до Фангорна, прикинул, когда орки должны достигнуть леса. Рохиррим также считают вместе дневные и ночные часы: как сказано в седьмой главе третьей части, «they had ridden for some five hours» (они проскакали часов пять), при этом часть пути войско проделало уже ночью (3).

Заметим, что профессор Толкин не допускал таких грубых ошибок, как Сэм Гэмджи. Как показали хронологические заметки к роману ('time-scheme'), автор неплохо представлял, когда восходит солнце в конкретном месте и в конкретный день. После боя на опушке Фангорна «riders leave battlefield and start out on long ride to *Edoras* at sunrise (7 а.т.)» [всадники покидают поле боя и начинают продолжительную скачку в Эдорас на рассвете (7 часов утра)] (4). На самом деле 20 февраля (5) на месте битвы (широта Изенгарда, Женевы и Астрахани) солнце должно было встать в 6.45 — однако отряду нужно еще было какое-то время на сборы! Минас-Тирит расположен южнее, на широте Флоренции и Сочи. Гэндальф прискакал к стенам Раммас Эхор 9 марта (2 марта по григорианскому календарю) на заре, перед восходом солнца. По хронологическим заметкам Толкина (6), он достиг Раммас Эхор в 6 ч. 15 м. Действительно, солнце должно было встать в 6 ч. 22-23 м. (световой день на этой широте и в этот день длится 11 часов 45 минут).

Но поминутная точность автора не должна нас вводить в заблуждение! «Хронологические заметки» принадлежат Толкину, а не его героям, и никогда не предназначались для публикации: Профессор их писал «в стол». В самом романе указания на время редки и неточны. Чаще всего описание времени дается по солнцу, звездам и т. п. («солнце стояло уже высоко»). Указаний на конкретный час во много раз меньше! Час, в принципе, в романе редко делится на меньшие отрезки (то есть, в мире Толкина считают «с точностью до часа»).

Лучше всего нам известно, как исчисляли время в столице Гондора (благодаря главе «Минас-Тирит»). Время отбивали колокола на башнях. Один из них находился в башне Цитадели («a clear sweet bell ringing in a tower of the citadel»), но в городе колоколов было много («all the bells in the towers tolled solemnly» [все колокола на башнях торжественно звонили]) (ВК, т. 3, кн V, гл. 1). Колокол отбивал часы и на башне Дол-Амрота (7). Имелись колокола и в сельской местности (Мортонд): когда Арагорн с войском мертвецов двинулся к камню Эреха, «bells were ringing far below» [далеко внизу звонили колокола] (ВК, т. 3, кн V, гл. 2): т. е. колокола могли не только показать время, но и пробить тревогу. Звонили и в торжественных случаях: при первом вступлении в Минас-Тирит Арагорна встретили колоколами (ВК, т. 3, кн V, гл. 6).

Отсчет часов в столице Гондора начинался с восхода солнца, в середине марта солнце должно было взойти в 6.15-6.20 утра. Это время называлось «the opening hour», а первые удары колокола — «the bells of day». Тогда же, очевидно, открывались ворота — и начинался служебный день стража Цитадели. Стражи вставали до колоколов, завтракали и к the opening hour готовы были приступить к своим обязанностям. Остальные горожане поднимались на ноги, наверное, со звуком «the bells of day». В «три часа» после рассвета (т. е. примерно 9.20 в середине марта) — колокол Цитадели ударил три раза ('Three strokes it rang, like silver in the air, and ceased: the third hour from the rising of the sun'). Отсюда можно сделать вывод, что колокол бил каждый час и номер часа соответствовал числу ударов; отсчет ударов должен был начаться с первого часа, но не с the opening hour («час ноль»).

Через три часа после рассвета происходила смена караулов ('Armed men went to and fro in the ways of the City, as if going at the striking of the hour to changes of post and duty' [по улицам крепости туда-сюда ходили вооруженные люди, словно для смены караула по сигналу колокола]). Караулы, таким образом, должны были сменяться раз в три часа и восемь раз в сутки. После третьего часа («mid-morning») стражи Цитадели, при необходимости, могли подкрепиться, а в полдень собирались на второй завтрак ('luncheon'). Полуденный звон колоколов Минас-Тирита назван в pomane 'noon-bells', как и в Имладрисе («So they talked until the sun reached its height, and suddenly the noon-bells were rung, and there was a stir in the citadel; for all save the watchmen were going to their meal» [Так они беседовали, пока солние не поднялось в зенит. но внезапно зазвенели полуденные колокола, и в Цитадели началось движение: все, кроме часовых, поспешили к трапезе]). Солнце, действительно, должно было стоять практически в зените – ведь оставалось всего три недели до равноденствия. Так, вероятно, было не всегда! Я полагаю, «полдень» в Минас-Тирите должен быть жестко привязан к шести часам от восхода солнца: иначе он не вписался бы в график трехчасовых караулов, а это неудобно. Летом, когда день долог, истинный полдень смещался поближе к девятому часу (может быть, на это время и переносили трапезу?). Но не исключено, что «полдень» и не вписывался в сетку точных часов и караулов и совпадал с астрономическим полуднем. Мы не знаем.

С заходом солнца наступал «closing hour» и запирались ворота. Об этом горожан извещал особый звон колокола («sundown bells»). Люди заканчивали свои дела, пели и развлекались. Стражи цитадели (если не стояли на посту) собирались на главную, вечернюю трапезу. «Closing hour» не совпадал с каким-либо постоянным

«часом» после восхода солнца, так как был жестко привязан к закату.

Часы считали с самого рассвета: упоминается «одиннадцатый час»

(т. е. приблизительно 17.20). Но в более ранний период (середина Третьей Эпохи) время могли считать и с полудня: «it was then two hours after noon»

[было тогда два часа пополудни] (Unfinished Tales, "Cirion and Eorl").

Трудно сказать, как измерялось время ночью. Маловероятно, что счет часов начинался заново с заката — это нарушило бы расписание трехчасовых караулов. Для Города-стража удобнее было бы сохранять «сквозной» счет часов, от рассвета до рассвета, с восемью регулярными стражами.

Нам неизвестно, какие механизмы для измерения времени использовали в Гондоре. Возможно, «bells» — это всегда обыкновенные колокола со звонарями. Как определяли время звонари? При помощи клепсидр? Мы этого не знаем. Во всяком случае, Денетор мог уделить разговору с Перегрином час — должен же он был этот час измерить (быть может, наместник или слуга его перевернул песочные часы???). Но не исключено, что «bells» Минас-Тирита или Дол-Амрота во многих случаях — не бой колоколов, а бой курантов.

Люди кончали все дела сразу после заката. Это заставляет предположить, что город в основном жил в «природном» ритме (день-ночь), и этот ритм определял рабочее время. А колокольный звон полезен был для смены караула, служил для нужд воинов и властителей. При этом Минас-Тирит – центр самой урбанизированной и экономически развитой державы в Средиземье!

Мы видим в Минас-Тирите интересное сочетание «природных» и «искусственных» временных ритмов. Счет суток с рассвета – древняя нуменорская традиция (Appendix D), но в Минас-Тирите, возможно, также и печальная необходимость (близость Мордора делает ночь особенно опасной).

В Дол-Амроте сутки, по-видимому, начинались с утренней зари, и счет часов немного отличался от минас-тиритского. Колокол на заре бил *один раз* (8). В Минас-Тирите один удар колокола должен был означать *час после восхода солнца*. Так что, приехав в другой город, гондорец мог бы запутаться. Этот разнобой весьма правдоподобен с исторической точки зрения! Можно предположить, что это только вершина айсберга и в других местах бытовали другие системы счета.

Если у дунэдайн сутки начинались с рассвета, у эльфов – с заката, то у хоббитов – в полночь. Как мы уже упоминали, для Перегрина Тукка три часа после рассвета – это приблизительно «девять часов утра». Сделка по продаже усадьбы вступала в силу ровно в полночь (ВК, т.1, кн. I, гл. 3). Хоббиты считают часы в сутках точно так же, как и мы.

В «Повести лет» все события указаны именно по хоббитскому счету, новый день начинается в полночь:

[September] «30 Crickhollow and the Inn at Bree are raided <u>in the early hours</u>. Frodo leaves Bree» [30 (сентября). Нападение <u>в первые часы (дня)</u> на Криккову Лощинку и трактир в Бри. Фродо покидает Бри].

[January] «3 Attack by Wolves <u>in the early hours.</u> The Company reaches the West-gate of Moria at nightfall» [3 (января). <u>В первые часы (дня)</u> нападают волки. К наступлению темноты Отряд оказывается у Западных ворот Мории].

[March] «6 Aragorn overtaken by the Dúnedain in the early hours. Théoden sets out from the Hornburg for Harrowdale. Aragorn sets out later» [6 (марта). Арагорна в первые часы (дня) догоняют дунаданы. Теоден отправляется из Хорнбурга в долину Харроу. Арагорн отправляется позже].

[March] «15 In the early hours the Witch-king breaks the Gates of the City. Denethor burns

himself on a pyre. The horns of the Rohirrim are heard <u>at cockcrow</u>. Battle of the Pelennor» [15 (марта). <u>В первые часы (дня)</u> Король-Чародей ломает ворота Города. Денетор сжигает себя на костре. <u>На рассвете</u> слышатся рога Рохиррим. Битва на Пеленнорских полях].

(Appendix B)

По гондорскому счету, Пеленнорская битва произошла уже на следующий день после самосожжения Денетора... Но с точки зрения хоббита, все это случилось в один день.

Каким образом герои «Властелина Колец» измеряли время, для нас остается загадкой. Употреблялись ли механические часы? Можно ли гондорские «bells» трактовать как башенные часы с боем? Утверждать что-либо с уверенностью мы не можем. Как мы уже упоминали, герои романа чаще всего определяют время по движению небесных светил, в лучшем случае с точностью «до часа». Очень нечасто можно встретить указания на «полчаса» (half an hour) или «четверть часа» (quarter of an hour).

Однако есть яркое исключение, которое, на первый взгляд, никак не вписывается в эту картину. Слово «минута» (minute) во «Властелине Колец» встречается 40 раз! Счет на минуты кажется анахронизмом...

Однако посмотрим, в каком контексте появляются эти «минуты». Вне прямой речи слово встречается 19 раз, здесь во всех без исключения случаях оно связано с хоббитами: описаны их ощущения, мысли или то, что хоббиты видят... Да, мир в романе показан глазами Малого Народа — но этого нельзя сказать о всем произведении (в третьей или пятой книге, за исключением отдельных эпизодов, хоббитский колорит трудноуловим). Однако там, где нет хоббитов, нет и «минут»! 21 раз слово minute встречается в прямой речи, и только в шести случаях говорящий — не хоббит. Из этих шести реплик три обращены специально к хоббитам. Еще один раз Гэндальф обращается ко всему отряду хранителей. Только в двух случаях «половинчики» совсем ни при чем: Гимли обращается к Гэндальфу, Арагорн — к Эовин («Wait a minute!»; «Виt I count now every hour, indeed every minute»). Редкость исключений только подчеркивает правило: «минуты» попадают в текст там, где есть хоббиты. Отметим также, что в наименее «хоббичьей» книге, пятой, слово minute встречается только два раза.

«Минуты» никогда не играют существенной роли в сюжете, в событиях. Этот анахронизм попадает в текст через язык. Особенно сильна «языковая рутина» в прямой речи. И все-таки нельзя сказать, что автор романа употреблял слово minute бездумно. Это тонкий стилистический прием! «Минуты» совсем не случайно ассоциируются с хоббитами.

Везде, где описан Шайр, есть много легких анахронизмов. Сам Толкин признал, что некоторые «modernities» в описании хоббитов были «ошибкой»:

«Some of the modernities found among them (I think especially of *umbrellas*) are probably, I think certainly, a mistake, of the same order as their silly names, and tolerable with them only

as a deliberate 'anglicization' to point the contrast between them and other peoples in the most familiar terms». (*Letters*, p. 196) [Некоторые обнаруженные у них атрибуты современной жизни (я, в частности, имею в виду *зонтики*), возможно, и я даже полагаю, что наверняка являются ошибкой того же плана, что и их

нелепые имена, и терпимы лишь как намеренная «англизация», для подчеркивания контраста между ними и другими народами наиболее доступным образом (пер. С. Лихачевой)].

О том, что Шайр похож на английскую деревню конца XIX века, говорят очень часто. Анахронизмы не согласуются с картиной мира Арды, но в этом есть художественный смысл. Хоббиты – это «мост», посредники между миром Арды и современным читателем. Потому Толкин часто приписывает им черты современных людей. И среди этих черт – повышенное внимание к времени!

Лишь хоббит у Толкина может сказать *«get breakfast ready for half past nine»* [чтобы завтрак был готов к половине десятого] (слова Пиппина). А каковы первые слова Фродо, очнувшегося в Ривенделле? «Где я и сколько времени?» *(«Where am I, and what is the time?»)*. Не по-средневековому... Читатель смутно ощущает этот анахронизм, скорее интуитивно, чем на уровне сознания. И в этом мастерство Толкина-художника.

Если вернуться к «зонтикам» из Шайра, то в перечне вещей-анахронизмов не последнее место займут часы на каминной полке у Бильбо, упомянутые в «Хоббите». Других известий о часах в Средиземье я разыскать не смог. Предполагалось, что часы довольно легки и компактны (если под них положили записку). Это, кстати, говорит о том, что Толкин подразумевал именно механические часы (клепсидра – громоздкая).

Не станем с уверенностью утверждать, что часы на каминной полке у Бильбо существуют в мире Арды — их можно было б отнести к числу анахронизмов-ошибок из процитированного выше письма №154 (зонтики, между прочим, меньший анахронизм, они появились в Древнем Египте). Мне сложно вообразить себе социальный контекст, который объяснил бы механические часы в Шайре. Проблема не в технике, а в культуре и обществе! Нужда в часах возникает там, где есть большой город. В «английской деревне» часы появились потому, что она исторически связана с Городом. Но сельский Шайр существует без города, сам по себе...

Не станем, однако, слишком спешить с выводами! Бильбо был очень богат — и по рождению принадлежал к одному из первых семейств Шайра. Богачи держат драгоценные безделушки, привезенные издалека. На Руси башенные часы появились уже в 1404 году — Москва отстала только на сто лет от городов Запада. В XVII веке царь Алексей Михайлович уже вставал по будильнику (!) (9). Те социальные условия, которые вызвали распространение механических часов в Европе, на Руси полностью отсутствовали. В часах не возникало здесь острой нужды — и все-таки, под влиянием Запада, они появлялись спорадически, как предмет роскоши (надо ли уточнять, что часовыми мастерами были «немцы»?).

Нечто подобное могло происходить и в Шайре. Полдюжины богатейших хоббитов могли купить часы у гномов!

Это, впрочем, не снимает вопроса: кто и когда изобрел механические часы в Арде?

Гипотеза

Теперь нам надо выдвинуть **гипотезу** – она проста, красива, объяснит все факты. Не станем, впрочем, утверждать, что только эта гипотеза возможна. Не будем обольщаться, данных у нас слишком мало, чтобы создать доказательную концепцию – можно лишь строить предположения!

Часы должны были изобрести нуменорцы. Похоже, только в Нуменоре имелись социальные условия, в которых точное измерение времени стало насущным, необходимым.

Ž

Подробности нам совершенно неизвестны: думается, эти социальные условия были совсем не похожи на «конфликт труда и капитала» в Европе. Можно лишь предполагать, что в Нуменоре возникло сложное общество (конечно, очень непохожее на Запад в Новое время), были развиты науки и ремесла (такие здания, как храм Моргота, в «первичном мире» вообще не воздвигались вплоть до XX столетия) (10).

Этот переворот мог растянуться на много веков. Достоверно известно одно: нуменорцы, как и европейцы с XIV века, использовали «постоянный» час. Как и в «первичном мире», это должно быть связано с внедрением курантов.

У народа мореходов был серьезный стимул развивать свое изобретение. Без точного морского хронометра нельзя определить географическую долготу (11). Вспомним еще, как подробно (до четверти часа!) расписано движение нуменорского войска, как будто его командир, как и мы, привык жить, не сводя глаз с циферблата...

В Третью Эпоху происходит «откат назад». И все-таки обычай делить сутки на 24 равных часа (и отмерять каждый час) сохранился. Счет времени по-прежнему востребован в военном деле. Но в общем, люди перестают ценить время и живут в природном ритме. Скорее всего, часовое ремесло переживает глубокий упадок.

Однако был народ, который **не** мог жить в ритме «дня и ночи». Это **гномы!** Да, некоторые залы в Мории имели световые шахты. Но далеко не каждое помещение могло быть освещено солнцем. В подгорных царствах заморское изобретение должно оставаться востребованным (не исключено также, что гномы и нуменорцы сделали это изобретение независимо друг от друга). Гномам нужно было изготовлять небольшие и точные часы для многих залов (куранты не решат проблем: в недрах гор звук плохо распространяется). Именно гномы должны сохранить и развить часовые технологии. Иногда гномьи часы продавались на поверхности, но не имели массового спроса — простые люди в них не нуждались. Часы могли продать как драгоценную диковинку.

Неясно, сохранилось ли часовое ремесло в каком-то виде у других народов (гондорцы). Если да, нам придется признать, что «bells» Минас-Тирита – не колокола, а **часы с боем** (в принципе, «bells» в английском языке может иметь и такое значение). Но не исключено, что нуменорские технологии были полностью утеряны...

Заключение

Если закрыть глаза на «хоббитский анахронизм», исчисление времени описано весьма правдоподобно применительно к доиндустриальной цивилизации. Однако культура Средиземья своеобразна и не списана со старой Европы. Постоянная продолжительность «часа», не зависящая от светового дня, как и вкус к точности в мере времени — изобретение Нуменора Второй Эпохи. Причины, обстоятельства и социальный контекст этого переворота для нас остаются загадкой. Через три тысячи лет жители Средиземья продолжали использовать достижения более развитого и сложного общества, ведь многие изобретения настолько полезны и просты, что не забываются и в «темные века». С какой целью люди продолжали исчислялись часы? В текстах счет времени обычно связан с путешествиями и с разумной организацией военного дела. В отличие от Средних веков, здесь приходится говорить не о «времени купца» или «времени Церкви», но скорее о «времени воина».

Приложение. Географическая широта городов и государств Арды

Толкин указывает в одном из писем (*Letters*, p. 376), что Хоббитон и Ривенделл лежат примерно на широте Оксфорда, а Минас-Тирит — на 600 миль южнее, т. е. приблизительно на широте Флоренции. Мне нужно было проверить опубликованные отрывки из «Time Scheme» к «Властелину Колец». Как оказалось, время восхода солнца Толкин дает очень точно, с учетом географической широты!

Зная масштаб толкиновских карт, я вычислил, на широте каких стран и поселений Арды лежат русские и европейские города. Для многих читателей это покажется любопытным, так что я решил опубликовать весь список.

Барад Эйтель (56°30′ - 57°00′ с. ш.) – Горная Шотландия, Тверь

Химринг, Гондолин (55°30′ - 56°00′ с. ш.) – Глазго, Эдинбург, Москва

Менегрот, Бретиль (54°30′ - 55°00′ с. ш.) – Белфаст, Калининград, Вильнюс

Гавани Фаласа, Нарготронд, Аннуминас, дворец Трандуиля, Эребор (53°30′ - 54°00′ с. ш.) – Йорк, Минск

Гавани Сириона, Южный Оссирианд, Хоббитон (Шайр), Имладрис ($51^{\circ}30'$ - $52^{\circ}00'$ с. ш.) — Оксфорд, Роттердам, Лодзь, Чернигов, Воронеж, Саратов

Остров Балар, Ирисная Низина ($50^{\circ}00'$ - $50^{\circ}30'$ с. ш.) — Плимут, Франкфурт-на-Майне, Прага, Краков, Киев

Лориэн, Тарбад, Дол Гулдур (58°30′ - 49°00′ с. ш.) – Париж, Волгоград

Изенгард (46°00' - 46°30' с. ш.) – Ла-Рошель, Женева, Одесса, Астрахань

Эдорас, Мораннон (45°00′ - 45°30′ с. ш.) – Венеция, Керчь, Краснодар, Ставрополь

Минас Тирит (43°30′ - 44°00′ с. ш.) – Тулуза, Флоренция, Сочи

Пеларгир (41°30′ - 42°00′ с. ш.) – Рим, Тбилиси

Умбар (~36°00' с. ш.) – Мальта, Родос, Антиохия

Примечания

- (1) Ле Гофф Ж. Другое Средневековье: Время, труд и культура Запада. Екатеринбург, 2000. С. 10.
- (2) По хронологическим заметкам Толкина («time-scheme»). «They reach the downs at 11.00 a.m. on 29 February. According to Scheme the orcs reached that place at 9.00 p.m. on 27 February» [Они достигают холмов в 11-00 до полудня 29 февраля. Согласно «Заметкам», орки оказались на этом месте в 9-00 пополудни 27 февраля] (W. G. Hammond, C. Scull. The Lord of the Rings. A Reader's Companion. L., 2005. P. 366).
- (3) Они остановились в 7 часов пополудни (W. G. Hammond, C. Scull. Op. cit. P. 412), т. е. через полтора часа после заката.
 - (4) Ibid.
- (5) Пересчет на григорианский календарь по таблицам Эленхиля Лайквендо «Календари Имладриса, Гондора и Шира и их адаптация для григорианского летоисчисления» [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.kulichki.com/tolkien/arhiv/manuscr/calendar.shtml. По календарю хоббитов, всадники Эомера выступили в путь 29 февраля, что соответствует 20 февраля по григорианскому календарю.
- (6) «March 9: Gandalf rides through night and reaches Rammas Echor about 6.15 а.m.» [9 марта: Гэндальф скачет всю ночь и достигает Раммас Эхора около 6.15 до полудня] (W. G. Hammond, C. Scull. Op. cit. P. 508)
- (7) «Only the knell of one slow bell //high in the Seaward Tower» [Только звон медленного колокола// Высоко на Приморской башне] (J.R.R. Tolkien, Tales from the Perilous Realm. L., 1997. P. 90)
- «No. 6 actually mentions Belfalas (the windy bay of Bel), and the Sea-ward Tower, Tirith Aear, of Dol Amroth» [В №6 фактически упоминаются Белфалас (открытая ветрам бухта Бел) и Приморская башня, Тирит Аэар, в Дол Амроте]. (Ibid., P. 63)
 - (8) J.R.R. Tolkien. Tales from the Perilous Realm. L., 1997. P. 90
 - (9) Шокарев С.Ю. Повседневная жизнь средневековой Москвы. М., 2012. С. 356 359.
- (10) У Толкина довольно часто говорится о нуменорских «машинах». В этой статье мы, к сожалению, не можем развивать тему «нуменорской техники»: это тема для отдельной работы.
- (11) Но это не причина появления часов первое время часы были громоздки, неточны и никак не полхолили для этой пели

Нора сначала шла прямо, ровная, как туннель, а потом вдруг круто обрывалась вниз. Не успела Алиса и глазом моргнуть, как она начала падать, словно в глубокий колодец.

Льюис Кэрролл «Приключения Алисы в Стране Чудес»

Несмотря на то, что *Vita Brego* не существует как последовательный текст, его жизнь выступает из доступных текстов полнее, нежели это мы можем сказать о большинстве правителей Марки Всадников, и довольно хорошо реконструируется (например, как это ни кажется парадоксальным, о жизни Хельма Молоторукого известно меньше (1)).

В отличие от *Гармана*/*Леода* (2), герой этой заметки безотложно входит в мифопоэтическую модель мира как созидатель Медусельда (3) и под известным нам именем (4). Не прояснённым поначалу остаётся лишь вопрос о степени его родственных отношений с Эорлом.

История Марки и её королевского Дома подспудно развивается параллельно развёртыванию картины Мира, и когда мы снова встречаемся с нашим героем (5), Дж. Р. уже полагает, что Брего был внуком Эорла. Но лишь после слов Арагорна, обнаружившего на Путях Мёртвых останки павшего воина («Here lies Baldor son of Brego, first heir of that Golden Hall to which he never returned. He should be lying now under the flowers of Evermind in the Third Mound of the Mark...» (6)), окончательно проясняется, что Брего был сыном Эорла.

Специально подчеркнём, что тот фрагмент речи Теодена, в котором впервые возникает имя *Брего*, появляется на свет уже в первом рукописном наброске (7) и практически не претерпевает изменений в последующих редакциях (8). Это особенно примечательно на фоне тех усилий, что нередко прикладывал Дж. Р., дабы найти имя, соответствующее своему герою. То есть мы имеем перед собой тот случай, когда *имя* и *раскрывающая его история* не противоречат друг другу, а позднейшее развитие истории не вносит в первоначальную симфонию дисбаланса (9).

Любопытно, что единственное дополнительное слово, введённое в первоначальную фразу Теодена, было high 'высокий'. С одной стороны, этот эпитет подкрепляет связи с источником образа (10). А с другой – не только не противоречит имени героя, но и оказывается тесно с ним связан!

Др.-англ. поэтическое слово brego (вар. bregu, brega, breogo) с узусом значений

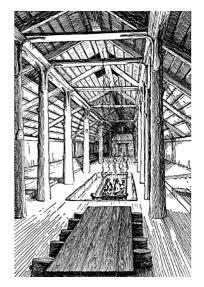

'правитель, принц, король, Господь' генетически связано с лексемой beorg (вар. beorh, biorg, biorh). Эти др.-англ. когнаты восходят к общему и.-е. корню $*b^h er \hat{g}^h$ -; в основе номинации и *правителя*, и *горы* лежит общий семантический признак – высота.

Однако почему же я выбрал для этой заметки такое провокационное название?

Дело в том, что, когда мы говорим о событиях Третьей Эпохи, постоянно следует иметь в виду, что на большинство событий известной нам истории Средиземья мы смотрим ретроспективно — посредством текстов, внутренние авторы коих явятся миру много позднее описываемых событий (в основном в конце Третьей либо в начале Четвёртой Эпох).

Дабы пояснить, что имеется в виду, давайте рассмотрим вполне ясный топоним $A n \partial \delta y p \varepsilon$, образованный др.-англ. прилагательным eald (вар. ald) 'старший, древний' и существительным burg/rh 'место, окруженное стенами или огороженное'. Очевидно, что

это название появилось после строительства Золотых Палат (11) в Эдорасе; а в дни Эорла и Брего поселение называлось **иначе**, скорее всего – Дом Эорла (*Eorl būr* > *the house of Eorl*) или просто Бург (*Burh*).

То есть, обосновавшись в Каленардоне, *эотеод* воспроизвели характерный для них тип поселения — «крепость с несколькими селениями» (12); так и до миграции 2510 года, на Севере у всадников был единственный *бург*, расположенный в месте слияния потоков Грейлин и Лангвелл. Однако к концу Эпохи мы можем наблюдать в Рохане уже более одного *бурга*, что, собственно, отображается и в названиях: см. Ald<u>burg</u>, Horn<u>burg</u>.

Оказывается, что на протяжении долгой истории Марки семантика нарицательной лексики успела измениться. Так, семантика слова burg/rh претерпела сдвиг от 'дома правителя, обнесённого палисадом' (как единственного объекта!) к 'крепости' (как одного из множества) и 'укреплённому городу'. И хотя хронист конца Эпохи вполне может написать, что «Алдбург основан Эорлом», это будет не только реконструкция, отражающая некое событие, но и современное хронисту положение дел. Во-первых, Эорл и не собирался строить город; а во-вторых, то, что было построено на зелёном холме у подножия Белых Гор, не называлось Алдбургом!

Уделим же Дому Эорла вящее внимание, поскольку он сыграет в нашей истории свою молчаливую, но значительную роль.

Разумеется, Дом — это *обитель*, где жила семья и рождались и воспитывались дети. Именно в нём вырастет (а может быть, и родится) наш герой (13). Сюда же приведёт он супругу, и здесь же появятся на свет и возмужают в свою очередь и его дети. И Дом продолжит осуществлять эту функцию и спустя множество поколений — так, в свою очередь, здесь появятся на свет Эомер и Эовин.

Но Дом Эорла — это ещё и резиденция *правителя*, где в отдельном *sael* 'покое' (прагерманское **sal*-, ср. с рус. *зал*) проводились пиры и советы, решались хозяйственные проблемы, и куда приводили гостей и странников (14). То есть строительство Дома Эорла было также и *общим делом*; собственно, он и возводился совместными усилиями многих людей.

По своему типу Дом Эорла относился к жилищам, именуемым в др.-англ. нарицательной лексике как $b\bar{u}r$ (восходит к прагерманской форме $*b\bar{u}$ -), и соотносится с археологическими данными о «древнегерманских длинных домах» (15). Это деревянное строение, расположенное на возвышении, с несколькими помещениями, с дверью, но без окон. Благодаря своей долговечности строения этого типа могли использоваться многими поколениями.

Но роль Эорла как личности в возведении *защищённого* (др.-англ. *beorgan* «хранить, защищать», рус. *беречь*) *длинного дома*, то есть *бурга*, мала — через него здесь говорит традиция. В возведении же Медусельда заметен мировоззренческий сдвиг. И дело даже не в том, что Золотые Палаты возводятся в *новом* гондорском стиле. Важнее то, что *эотеод* населяли усадьбы (*haim-) и сёла (*wik-), а среди *эорлингов* появилась новая страта людей, которых мы могли бы назвать уже *буржуа*.

Так не с большим ли основанием мы можем утверждать, что Алдбург основал Брего (16), возведя Золотые Палаты?

Поэтому же и Эорл Юный, отец Брего, не был «первым королём Марки» (the first King of the Mark) — хотя бы и просто потому, что такого явления, как Mapka, при его жизни не существовало. Известен же он был при жизни как «Лорд Эотеод и Король Каленардона» (Lord of the Éothéod and King of Calenardhon).

Из титулатуры Эорла прекрасно видно, как начинает перерождаться характер королевской власти: если его предки воспринимались как главы народа – đeoden Eođeod, то его потомки мыслились в первую очередь как государи страны – Marca cyning (17). Этот сдвиг, очевидно, произошёл благодаря контакту с более развитой культурой дунэдайн. И попутно в презентации королевской власти к традиционным символам – мечу, копью (18) и трону (19) – были присовокуплены нуменорские регалии: скипетр (20) и венец (21).

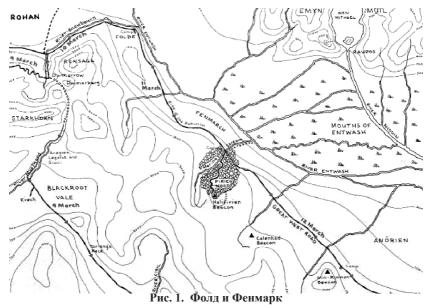
Причём семантика этого сохранившегося варианта титулатуры Эорла представляет нам прекрасный образец «варваризации» культуры – она не принадлежит ни эотеод, ни дунэдайн (22).

Первая часть титулатуры прозрачна: это попытка вестронизации традиционного $\delta eoden$ $Eo\delta eod$ (то есть $t\hat{u}rac$ $Loht\hat{u}r$); в то время как вторая часть должна отражать попытку «перевести» на poxanckuu гондорский титул, связанный с провинцией (ланом) Каленардон, каковой мог быть $nop\partial$ (синд. hir), или npunu (синд. ernil). Очевидно, что и в первой, и во второй части титула «перевод» оказался не очень-то хорош (произошёл сдвиг семантики). Тем не менее, очевидно, что позднейший титул генетически произошёл именно от него.

Параллельно такому «варваризованному» переводу гондорского титула должны были существовать и более правильные переводы, например – $brego\ Emnlpha\delta$.

Древнеанглийское слово * $emn\alpha$ p (23) означает 'степь, прерия' или 'зеленая трава'; то есть оно довольно точно передаёт смысл гондорского топонима Kanehapdoh (Calenardhon) — «Великий зеленый край». Однако, defacto «королевство Эmhem» было меньше, чем гондорский лан Каленардон (24).

В дни Эорла и в значительный период правления его сына, эотеод уверенно контролировали лишь территорию к востоку от речки Снежицы (Snowbourn) (25), между Энтовой Купелью (Entwash) и Белыми Горами – то есть земли, известные в конце Эпохи как Фолд, Истфолд и Фенмарк (рис. 1)

Земли же к западу от Снежицы во времена Бдительного Мира (2063–2460 гг.) заняли предки дунлендингов – а они уже давно не считали себя подданными Короля и вовсе не собирались подчиняться пришельцам с Севера (26).

Холмистую местность на севере Каленардона – Пустошь (Wold) – также удержать не удалось. После того, как Эорл привёл в Каленардон свой народ, ему пришлось распустить народ-войско (fyrd). Но с оставшимися у него эоредами он не смог удержать от новых пришельцев с Бурых Равнин (The Brown Lands) переправу через Южную Отмель Андуина. Пришельцы обосновались на Пустоши и в Эмин Муил и были выгнаны оттуда уже лишь при Брего (рис. 2).

Кстати, Пустошь (Wold), как и Эмнет (Emnet) – это английский топоним, означающий 'лес, нагорье, покрытое лесом' или 'пустошь', от др.-англ. weald/wald (27).

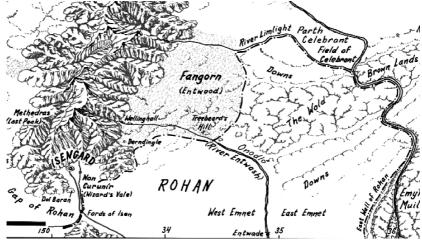

Рис. 2. Пустошь и Эмнет

И вновь обратимся к генетической связи др.-англ. поэтического слова *brego* с лексемой *beorg*. Давайте направим наш взгляд на время основания королевства Рохан: Кирион на склоне *горы* Амон Анвар по праву королевского Наместника предлагает Эорлу, вождю эотеод, принять в дар все земли Каленардона. Эорл принимает дар, и на вершине горы, у гробницы Элендиля Верного, произносятся Клятвы Эорла и Кириона. Подчеркнём, что, помимо основного значения 'холм, гора', у лексемы *beorg* наблюдается и вторичное значение – 'курган, место похорон' (28).

Характерная этимологическая параллель обнаруживается в италийской ономастике: обратим наше внимание главным образом на этноним $Frentrān\bar{\imath}$ и топоним в Лации – $ad\ caput$ aquae $Ferent\bar{\imath}$ nae (у ключа Ферентины) или $l\bar{\imath}$ cus $Ferent\bar{\imath}$ nae (роща Ферентины).

Индоевропейский звонкий придыхательный b^h в протоиталийском преобразовывался в глухой щелевой $b^h > (\beta) > f$; в германских же в звонкий щелевой $b^h > \beta > b$ (29). А звонкий придыхательный g^h в оско-умбрской группе италийских языков преобразовался в глухой щелевой $g^h > \chi > h$ (30); и, соответственно, в германских $g^h > \gamma > g$. Таким образом, путь развития самнитского этнонима можно реконструировать примерно так: $*b^h er \hat{g}^h$ - $ntro > *(\beta)ere\chientro > *f(e)rehentro > *f(e)rentro + cyффикс принадлежности -<math>\bar{a}nus > Frentrano$.

Кельтские параллели (31) заставляют усмотреть в этнониме скорее теоморфный характер: «народ возвышенного (божества/богини?)».

Теоморфная семантика более ясно означается в названии культового места Лация. Описание места указывает на то, что $Ferent\bar{n}a$ — это божество потока или реки (aquae), почитаемое у истока (caput), посредством культовой рощи $(l\bar{u}cus\ (32))$. Кстати, Цинций указывает, что оный исток находится у подножия Альбанской горы $(mons\ Alb\bar{a}nus)$ — что вместе формирует комплекс, соответствующий древнейшему индоевропейскому виду культа, в котором $*b^her\hat{g}^h$ выступает вместе с эпитетом $*alb^hio$ - 'белый, светлый'.

Сравним с описанием местности у горы Халифириэн в *Unfinished Tales* и *The Rivers and Beacon-hills of Gondor*: от усыпанной белыми цветами гробницы Элендиля (33) на вершине горы до леса Анвар (34), покрывшего северный склон и протекающей через него речки Гланхир (35).

То есть можно предположить, что имя/титул *brego* появляется под влиянием прозвища Элендиля <u>Высокого</u> (*Elendil the Tall*) (36). Таким образом, можно предположить, что сын Эорла известен нам не под личным именем, а под титулом — с гибелью в 2545 году Эорла Юного его сын становится вторым Королём Каленардона, то есть *brego Emnæð*.

Высказанная нами гипотеза вырастает из *мифопоэтической традиции именования*, которую мы затрагивали в заметке *Метаморфозы Леода* («Палантир» № 66). Согласно этой модели, процесс наречения носит характер либо своеобразного отгадывания сущности человека через его имя, либо наделения человека судьбой через имя. Посмотрим, как это проникновение в глубинную сущность отзывается в именах сыновей Брего, сохранённых традицией.

Имя старшего из сыновей образовано из др.-англ. существительного baldor (уэсс. bealdor) (37) 'герой, принц'. Эта лексема произрастает из общегерманского *balðraz, сформированного из прилагательного *balþaz, от которого происходит и др.-англ. прилагательное bald (уэсс. beald), имеющее значение 'храбрый, смелый, уверенный, отважный'. Но следует подчеркнуть также у этого прилагательного коннотацию 'самоуверенный, дерзновенный', что напоминает нам о последствиях обета, прозвучавшего на пиру по поводу окончания постройки Медусельда.

Имя второго сына и преемника образуется др.-англ. существительным aldor (уэсс. ealdor, ealdur) (38) с узусом значений: 'старший, предок, глава семьи, Создатель', 'вождь, принц' (39); а также 'возраст, эпоха, жизнь'. Эта лексема – отросток общегерманского *alðran, образованного из прилагательного *alðaz – от которого происходит и др.-англ. прилагательное ald (уэсс. eald) 'старший, древний' и 'выдающийся, великий, возвеличенный'. То есть, опять же, имя хорошо соответствует тому, что мы знаем об этом человеке: Алдор дольше всех правил

всадниками, и у него была большая семья – он единственный из народа, о ком мы знаем, что он видел своего праправнука. Действует даже сема 'создатель, автор': именно при Алдоре Марка всадников обретает свой облик (40).

Имя же младшего из сыновей, как я полагаю (41), произошло от др.-англ. существительного eofora (вар. afara, afera, afora, eafera, eafora, eafra, eofera) 'потомок, преемник, наследник, сын'. Нам ничего не известно об этом герое, помимо того, что по переезде в новоотстроенные Золотые Палаты Брего передал ему отчий дом (Ald-būr).

Давайте же уделим больше внимания Алдору Старому.

Он имеет очень любопытное прозвище — н.-англ. *old* происходит от центрально-диалектного др.-англ. *ald*. С одной стороны, мы можем воспринять имя и прозвище как тавтологию (42), что обнаруживает и усиливает стремление нарекающего передать доминирующий образ героя. Но с другой, следует обратить внимание на противопоставление прозвищ деда и внука — Young/Old: с их помощью выделяется временной период; ср. «... all the years from Eorl the Young to Théoden the Old...» (43). То есть, с помощью прозвища сказитель отделяет эпоху становления государства, центральным персонажем которого был герой нашей статьи, от последовавшей эпохи *мира Фроди (Fróðafriðr*), в которой «...Rohan had peace and prospered...» (44).

Обратим наше внимание на *cognati* др.-англ. ald в готском и италийских и кельтских языках.

В церковно-готском засвидетельствован вариант прилагательного alpeis. Обратим же внимание на лексему alpiza, с помощью которой передаётся греч. $\pi \rho \varepsilon \sigma \beta \acute{\nu} \tau \varepsilon \rho c \varsigma$ 'старший, старец', то есть каноническое название второй степени священства; сравните с образом короля-священника дунэдайн. Любопытно, что при переводе термина на английский либо использовали заимствование из латыни др.-англ. $pr\bar{e}\bar{o}st$ (отсюда н.-а. priest), либо использовали слово eldra (уэсс. ieldra).

Кельто-италийские же семантические параллели объединяют Алдора с отцом. От t-основы и.-е. корня *al-2 'взращивать, лелеять' происходят: лат. altus 'высокий' (то есть csepxsupocuuuŭ; см. ad-ultus 'взрослый, большой, созревший'), др.-ирл. alt 'возвышенность, холм' (то есть nod $\mu nmu u)$, валл. alt 'сторона холма, лесистые холмы'.

Но, пожалуй, самые интересные связи обнаруживаются в праиндоевропейском, где семантика *роства* связывает Алдора с его прадедом – Леодом.

В предшествующей заметке («Метаморфозы Леода») мы описали, как в дни Леода эотеод столкнулся с демографическим кризисом и какой они нашли выход — следуя стезёй угнетения демографической системы воспроизводства. Сейчас же мы перейдём к вопросу, почему возвращение к традиционной системе началось лишь при внуках Эорла.

Как мы показали, *всадники* при Эорле Юном *de facto* владели лишь «королевством *Эмнет»*, по занимаемой территории не особо отличавшемся от земли, из которой они вышли с Севера. То есть фактор ограниченности ресурсов окружающей природной среды продолжал оказывать своё воздействие.

Следует отметить, что и в дни Эорла, и в правление его сына численность *эотеод* была ниже, чем перед миграцией с Севера (то есть до 2510 года Третьей Эпохи). Отрицательному приросту населения способствовали два основных фактора – война на границах королевства и «эффект основателя».

Дело в том, что так называемая «повышенная рождаемость в колониях» (или «эффект основателя») развивается не совсем так, как это видится в теории. Имеющиеся данные по древней эпохе, если их сопоставить с параллелями Нового времени, показывают, что повышение рождаемости наступало не сразу после обоснования группы людей на новом месте, а спустя

примерно полвека (45). Рост населения начинается со стабилизации хозяйства.

Всадникам помогало то, что те же демографические процессы протекали и у истерлингов с Пустоши (Wold (46)). Это придавало войне затяжной характер сражения на истощение (47), и очевидно, что вопрос о западных территориях тогда просто не стоял — эотеод не могли позволить себе войну на два фронта.

Собственно, в том, что эотеод стабилизировали хозяйство и свою численность раньше истерлингов, нет ничего неожиданного. Однако войну за Пустоши Брего завершил сравнительно быстро благодаря гендерному фактору. Из-за степной войны, тлеющей уже два поколения, в обществе всадников сложился дисбаланс полов, и Брего решается пополнить армию женщинами (48), что позволило ему консолидировать силы большие, чем имел его отец перед своей гибелью, и, главное, в меньшие сроки.

Поэтому, выдавив истерлингов с Роханской Пустоши (the Wold of Rohan) и закрепившись по берегу Андуина, Брего смог начать реконкисту земель, занятых дунлендингами. Судя по легенде о Запретной Двери, рассказанной Теоденом, реконкиста началась в 60-е годы XXVI столетия, хотя точные датировки здесь вряд ли возможны. И поскольку дунлендинги были разобщены, решить западный вопрос оказалось намного проще.

Видимо, с этих пор «королевство Эмнет» и начинают называть Маркой Всадников (the Mark of the Riders), а её правителя – королём Границы или Королём Марки (Marca cyning > the King of the Mark). Причём Граница – это не линия между разными государствами и народами, а довольно обширная область, где бок о бок обретались два (а может, и больше, чем два (49)) разноязычных народа, жили каждый по своему обычаю и закону (50).

И говорить о полном подчинении местных династов (вроде Фреки), даже в мирное время, лордам всадников не следует. А при случае (вроде Долгой Зимы или в ходе войны, которой завершилась Третья Эпоха) они участвовали и в набегах своих соплеменников на земли всадников.

Со становлением Марки и освоением новых земель у *всадников* отпала необходимость в ограничении прироста населения, и в те же 60-е начинается изменение системы воспроизводства (51).

Таким образом, только к концу правления Брего, или даже скорее к началу правления его сына, произошло восстановление числа населения к домиграционным значениям. Дальнейший же уверенный рост численности народа — примерно 2,18 промилле в год (52) — начался уже только в правление Алдора, что и было отмечено в хронике (53).

Наиболее чётко различима та из *прядей* (*páttr*) *Vita Brego*, что оплетает Дверь Запрета и старшего из сыновей Брего – Бальдора Злополучного (54) (*The Hapless*). Нить её закручивается, когда наши герои находят Дверь, перекрывающую старый Путь, и её Стража.

Собственно, *прядь* повествует нам о том, что происходит, когда *судьба* (*hap*) овладевает человеком (55) и он следует не своему *случаю* (*happening*) – что, заметим, не отменяет сам *счастивый конец* (*happy end*). Но вот о чём мы должны задуматься: мог ли Бальдор не вступить на «Пути Мёртвых» (the Paths of the Dead) – если тема смерти пронизывает всё устное наследие народа? Если он видел в этом свой побег от смерти в легенду, претворив в жизнь «подвиг, достойный, чтобы его воспели»?

Очевидная параллель, проясняющая поступок Бальдора, обнаруживается в «Гренландской Песни об Атли» (Atlakviða) — эддической песни о Гьюкунгах (56). Обратите внимание на тот ключевой эпизод, когда посланцы Атли прибывают к его шуринам — бургундским королям Гуннару и Хёгни. И на пиру, испив чашу браги, Гуннар неожиданно принимает приглашение гуннского владыки — и это несмотря на то, что у него нет никакой необходимости или причины ехать к Атли, и даже, более того, он отчётливо осознаёт явную опасность этой поездки! Так и Бальдор, демонстрируя высокий дух героя, творит свою

судьбу.

Однако, как и для аудитории позднейших «Гренландских Речей Атли» (Atlamál), для современников и потомков Бальдора его поступок уже не является безусловно приемлемым он оспаривается и осуждается (см. прозвище героя).

Дополнительные оттенки к истории короля Брего и его сына Бальдора раскрываются через связь имён с определённым содержанием общей мифопоэтической традиции.

Воспользуемся «уловкой Лидского университета» (57) (как это назвал Том Шиппи) и обратим внимание на черты идентичности, выявляемые благодаря общим этимонам (58) с исландскими богами поэзии **Браги** (Bragi) и весны и света **Бальдром** (Baldr), любимцем богов.

Этимология теонима *Браги* восходит к др.-исл. корню *bragr*; имеющему узус значений 'первый, наилучший' (поэт.) и 'поэтическое искусство' (59). И генетически лексема bragr1 связана с др.-исл. bjarg 'гора'.

В заметке Метаморфозы Леода я обращал наше внимание на то, что в именах правителей имплицитно отражаются те или иные черты, характерные и для народа. И если для династии Копейщиков мы отметили мировоззренческий регресс, выразившийся в обожествлении Валар, то, например, имя Brego подводит нас к вопросу о значимости связи этноса с вмещающим ландшафтом.

Беженцы от катастрофы 1856 года, вышедшие из Рованиона в долину Андуина, были вынуждены поменять не только место жительства, но и свой быт (60). Но, приноровившись жить на границе гор, леса и равнины, они превратились в новый этнос – эотеод (Éothéod) (61).

Характерно, что последующие, вследствие демографического давления, миграции эотеод направлялись в земли со схожим ландшафтом: в 1977 году из долины Андуина в верховья Реки, а затем в 2510 году из Эотеода в Фолд.

Миграция 1977 года представляет особый интерес, поскольку в то время у эотеод был выбор: они могли попытаться вернуться в Рованион и отвоевать земли, утерянные более века назад (62). Однако такая реконкиста неизбежно была бы связана с ещё одним культурным сломом – и Фрумгар избрал иной путь.

Таким образом, характеристика эотеод и его правителей как '[из] горных' (63) вполне справедлива – это отделяет их от северян с равнин Рованиона.

«Общий знаменатель» для значений bragr1 и bragr2 обнаруживается в контексте мифа о «мёде поэзии». Восстанавливаются семантические переходы: от обозначения горы (др.исл. bjarg) > характеристика деятеля (др.-исл. asabragr '[из] асов горный' = Один) и цель действия (др.-исл. braga-full 'кубок браги' = «мёд поэзии»). И от «опьяняющего напитка» (64) > воплощение в виде субстанции, экстатического состояния духа – поэзии (bragr2) и воплощение в виде деятеля – персонификация (Bragi) (65).

Обратим отдельное внимание на лексему braga-full - она переводится и как «кубок правителя», и как «кубок Bragi», где Bragi персонифицирует опьяняющий напиток, вызывающий экстатическое состояние духа, проявляющееся в поэтическом искусстве (66).

Легко представить пир в Медусельде (67), данный королём Брего по поводу окончания строительства Золотых Палат: на нём звучат преданья старины, даются обеты (68) – и то, и другое связано с кубком Брего.

И Бальдор, осушив рог, клянётся, что пройдёт «Путями Мертвых» (69), и тем свивает судьбу себе, своему отцу и брату... Он входит в Дверь и не возвращается более на зелёную землю; и вместе с ним уходят дни Брего - который умирает в 2570 году задолго до предназначенного ему срока. Этот надлом становится более ясен (70) на фоне согласия Хель отпустить Бальдра – если его будет оплакивать всё, что только есть на земле, живое и неживое.

Но вот что интересно: Брего всю жизнь провёл в войнах, - героичность на поле брани была для него нормой – но в памяти народной он остался как строитель.

~

Литература

- 1. Tolkien, J.R.R. *The Lord of the Rings* (электронный англ. текст).
- 2. Tolkien, J.R.R. *The Hobbit* (электронный англ. текст).
- 3. Tolkien, J.R.R. *The Treason of Isengard (The History of Middle Earth.* Series 07) (электронный англ. текст).
- 4. Tolkien, J.R.R. *The War of the Ring (The History of Middle Earth.* Series 08) (электронный англ. текст).
- 5. Tolkien, J.R.R. *The People of Middle-Earth (The History of Middle Earth.* Series 12) (электронный англ. текст).
 - 6. Tolkien, J.R.R. *The Rivers and Beacon-hills of Gondor* (электронный англ. текст).
- 7. A Handbook of Germanic Etymology by Vladimir Orel. Copyright 2003 by Koninklijke Brill NV, Leiden, The Netherlands.
- 8. An Anglo-Saxon dictionary, based on the manuscript collections of the late Joseph Bosworth; edited and enlarged by T. Northcote Toller [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.ling.upenn.edu/~kurisuto/germanic/oe_bosworthtoller_about.html
- 9. Баччи М.Л. Демографическая история Европы/ Серия «Становление Европы»/ Пер. с итал. А. Миролюбовой. СПб.: Александрия, 2010.
- 10. Властные институты и должности в Европе в Средние века и раннее Новое время // Отв. ред. Т.П. Гусарова. М.: КДУ, 2011.
- 11. Гуревич А.Я. Индивид и социум на средневековом Западе/ Серия «Становление Европы». СПб.: Александрия, 2009.
- 12. Калыгин В.П. Ирландские этнонимы на карте Птолемея: опыт мифологической интерпретации // Лексика и лексикография. М., 2002. Вып. 13. С. 62 73.
- 13. Крегждис Р. Прусс. *laucks* 'поле', лат. *lūcus* 'священная роща, лес', арх. лат. *lūcus* 'свет, день' и др. // Colloquia classica et Indo-Germanica V / Отв. ред. Н.А. Бондарко, Н.Н. Казанский. СПб.: Наука, 2011. (Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН / Отв. ред. Н.Н. Казанский. Т. VII. Ч. 1)
- 14. Кузьменко Ю.К. Ранние германцы и их соседи: Лингвистика, археология, генетика/ Отв. редактор Н.Н. Казанский. СПб.: Нестор-История, 2011.
 - 15. Смирницкий А.И. Древнеанглийский язык. М., 1998.
- 16. Солопов А.И. Индоевропейский корень $b^h er \hat{g}^h$ 'возвышенность' в италийской этнонимии и топонимии (frent(r)ani, fertor, ferentini, furfo, fregellae) // Индоевропейское языкознание и классическая филология VII (чтения памяти И.М. Тронского) / Отв. ред. Н.Н. Казанский. СПб., 2004.
- 17. Сорокина Е.А. Древнегерманский «длинный дом» (к проблеме семантической реконструкции) // Вестник Челябинского государственного университета. №20 (121), 2008.
- 18. Сорокина Е.А. Реконструкции древнегерманского *peudanóz// Проблемы концептуальной семантики языка и речевой деятельности: Материалы 1-й Всероссийской научной конференции. Иркутск: ИГЛУ, 2007.
- 19. Сорокина Е.А. Семантическая реконструкция древнегерманской социальной лексики (на материалах готского, древнеанглийского и древнеисландского языков): Автореф. дисс... докт. филол. наук. Волгоград, 2009.
- 20. Толкин Дж.Р.Р. Филология: общие труды (1924): Пер. и комм. С. Зоновой// Толкин Дж.Р.Р. Чосер как филолог и другие статьи. М., 2010. С. 96 149.
 - 21. Толкин Дж.Р.Р. Неоконченные предания Нуменора и Средиземья. ТТТ, 2002.
- 22. Топорова Т.В. Имя собственное как указатель ипостасно-персонажной преемственности// Индоевропейское языкознание и классическая филология VIII (чтения памяти И.М. Тронского) / Отв. ред. Н.Н. Казанский. СПб., 2004.

- 23. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка (электронный текст).
- 24. Хукер М.Т. Толкин русскими глазами: Пер. Аллы Хананашвили; ред. С. Лихачева, Н. Семенова (электронный текст).
- 25. Цымбурский В.Л. Латинский трилистник: 1. Причина и чудо: Индоевропейские связи лат. causa. 2. Форма и дхарма. 3. Дело о Пренестинской фибуле/ Colloquia Classica et Indo-Germanica – IV / Отв. ред. Н.Н. Казанский. – СПб.: Наука, 2008. (Acta linguistica Petropolitana. Труды ИЛИ РАН. Т. IV. Ч. 1)
- 26. Чурсина И.С. Развитие антропонимикона английского языка (морфонологический и социокультурный аспекты): Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук (2002) [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://31f.ru/dissertation/35dissertaciya-chast-1-iz-2-razvitie-antroponimikona-anglijskogo-yazyka-morfonologicheskij-isociokulturnyj-aspekty.html
- 27. Шиппи Т.А. Дорога в Средьземелье: Пер. М. Каменкович. СПб.: Лимбус-Пресс, 2003.
- 28. Шиппи Т.А. Толкин и Исландия: Филология зависти: Пер. Ю. Канчукова//Палантир. - № 46 (апрель 2005 г.). - С. 32 - 47.
- 29. Яйленко В.П. Архаическая Греция и Ближний Восток. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990.

В работе использованы карты К. Фонстад и Б. Стрейч

Примечания

(1) См. Приложение A.II «Дом Эорла»: "Of the Kings of the Mark between Eorl and Théoden most is said of Helm Hammerhand" (Из Королей Марки от Эорла до Теодена больше всего говорят о Хельме Молоторуком [Каменнопястом]).

Однако, кроме повествования о Долгой Зиме и примыкающей к нему вставки о Фреки, отце Вулфа (эти события вместе охватывают всего четыре года), никаких иных сведений о днях этого монарха мы не имеем!

- (2) В процессе работы над LotR (когда Дж. Р. размышлял над вопросом: «Кто возвёл Медусельд?») мимоходом проступает ещё и имя *Eofor*. Но эта пометка об отце Эорла, очевидно, не имела развития – далее в черновиках Дж.Р. отца Эорла никак не называет.
- (3) Довольно долго существует параллельный вариант, по которому "Winseld, the high house *in Eodor*" возвёл Эорл. Эта конкурирующая версия возникла почти одновременно с основной и так или иначе просуществовала до начала работы над Приложениями.
- И, как и во многих других случаях, Дж. Р., отказавшись от какой-либо версии, не отбрасывает её совсем: впоследствии из этого варианта вырастает история Алдбурга.
- (4) Собственно, наш герой и входит в повествование, пока разворачивается история главы «Король Золотых Палат». Заметим, что в дальнейшем в рукописях появляются варианты в написании имени – *Brego / Bregu*, но на значении это не сказывается.
 - (5) Это происходит в ходе работы с главой «Смотр Рохана», стадия Е.
- (6) «Здесь лежит Балдор сын Брего, первый из наследников Золотого Зала, тот, кто никогда не вернётся к нему. Он должен был лежать ныне под цветами симбельмине в Третьей Насыпи Марки...».
- (7) То есть прочерченный пером поверх стёртого карандашного наброска. Записан в ходе работы над главой «Белый Всадник», а позднее перенесён в главу «Король Золотых Палат».

(8) Первый рукописный вариант — "Not long now shall the hall (which Brego son of Brytta built) stand" (Недолго ныне зал (построенный Брего, сыном Бритты) простоит).

Изданный текст – "Not long now shall stand the high hall which Brego son of Eorl built" (Недолго ныне простоит высокий зал, который Брего, сын Эорла, возвёл).

- (9) Ср. с хрестоматийным примером: "In a hole in the ground there lived a hobbit" («Жил-был в норе под землей хоббит»).
- (10) См. Beow.: "Sele hlifade **heah** ond horngeap" «здание возвышалось, **высокое** и заострённое в виде рога».
- (11) Ср. Beow.: "to pæs þe he winreced goldsele gumena gearwost wisse" «пока он дом для пиров, зал, украшенный золотом для воинов, не увидел».
- (12) Заметим, что это наблюдение обнаруживает очередную параллель с англосаксонской культурой. Так слово ham в поэме $Eeosyль\phi$ имеет форму множественного числа, а burh только единственного.
- (13) Брего родился в 2512 году, то есть уже после переселения эотеод с Севера на равнины Каленардона.
- (14) Ср. Beow.: "Hrape wæs to bure Beowulf fetod sigoreadig secg... gang ða æfter flore fyrdwyrðe man mid his handscale" (быстро в дом был призван Беовульф, победный воин,... шел по полу воин со своими товарищами, деревянная зала оглашалась (звуком шагов)).
 - (15) Однотипном дому Беора в Долине Андуина.
- (16) Ср. с *Bregon/Bregan(d)* мифологическим персонажем мужского пола, предком ирландцев. Он основал в Испании город *Brigantia*, где построил башню, с которой его потомок Ит увидел Ирландию.
- (17) Ср. с схожим сдвигом в именованиях вестготских монархов: вначале *Rex Gothorum*, позднее *Rex Hispaniae*; или монархов Дании: вначале *Rex Danorum*, позднее *Rex Daniae* (дат. *Danmarks konge*).
 - (18) Позднее эта регалия преобразовалась в знамя.
- (19) Отметим, что в соответствии с нуменорской *традицией brego-stól* Медусельда был вознесён на ступенчатое возвышение. Традиционное же использование этой регалии наглядно представлено в доме Беорна.
 - (20) Короткий чёрный посох с навершием из белой кости.
 - (21) Тонкий золотой обруч с белым алмазом.
 - (22) То есть представляет нам образец так называемой культуры Гранииы.
 - (23) Слово, реконструируемое из норфолкского топонима Эмнет.
- (24) Подметим, что Дж. Р. в ходе работы над Appendix A.II «The House of Eorl» прорабатывал сужение топонима *Каленардон*. В машинописном тексте, следующем за третьим рукописным вариантом, Дар Кириона преподносится так: "Cirion ... gave Calenardhon, and Dor Haeron between Entwash and Isen, to Eorl and his people" («Кирион... дал Каленардон и Дор Хаэрон (Дальний Край), [лежащий] между Энтовой Купелью и Исеной, Эорлу и его народу»).

В таком делении проступает современное Кириону положение дел. Та местность, где всё ещё продолжали жить гондорцы и где Наместник мог осуществлять свой суд, продолжали называть ланом Каленардон, а дальние земли, занятые народами, не признававшими власть Наместника, получили обособленное название.

И понятно, почему Дж.Р. в окончательном тексте не стал упоминать Дор Хаэрон: это как если бы в официальном документе о Санкт-Петербурге Невский проспект упоминался бы как Староневский и Невский.

(25) Причём всадники даже не показывались в верховьях реки Снежица – долине Дунхарроу.

Скорее всего, холм, на котором впоследствии будет отстроен Эдорас, в то время был крайним западным форпостом королевства.

- (26) См. Прим. 24.
- (27) Любопытно, что Дж. Р. предполагал, что разъяснить этимологию древнеанглийского

weald может связь с этимологией слова wild 'дикий'. И спустя многие годы он обыграет это своё суждение в LotR в словах Вилфары:

"Do you remember the Wild Man's words, lord? \dots I live upon the open Wold in days of peace; \dots and to me also the air brings messages".

- (28) См., например, в Беовульфе: "Bæd ðæt ge geworhton in bælstede beorh ðone heán".
- (29) Отмечаемые Куном чередования f и b в начале слова в сходных корнях в топонимах, то есть топонимы с /f/ являются италийскими (ср. filg-), а с /b/ германскими (ср. belg-) (см. работу Ю.К. Кузьменко).
 - (30) Ср. умбр. rehte, но лат. recte.
- (3) Ср. с ирландским этнонимом *Briganti*, являвшийся производным от теонима *Brigit* «возвышенная» (откуда совр. антропоним *Brigitta/Brigida*).
- (32) Оксфордский словарь латинского языка приводит для лексемы $l\bar{u}cus$ значение 'священная роща, разделённая долиной'.

Причём следует отметить, что утверждение Т.В. Топоровой о том, что религиозные обряды италийских племён совершались в светлой (разреженной) роще, вступают в противоречие с высказываниями собственно латинских авторов. Так, Сервий определяет значение слова: "lucus est arborum multitudo cum religione" (священная роща представляет собой ритуально почитаемое скопление деревьев); или конкретные указания: «in umbrosis Fauno decet immolare lucis» (приносить жертву Фавну надлежит в тенистых рощах) (Гораций) или «Silvani lucus extra murum est avius crebro salicto oppletus» (уединенная священная роща Сильвана, густо заросшая ивами, находится за (городской) стеной) (Плавт).

- (33) Отметим, что эти цветы, именуемые всадниками *симбельмине*, впоследствии проросли на королевских курганах у Эдораса.
- (34) Это гондорский топоним. Эорлинги же дали этому месту имя *firgenholt* 'роща на горе' (др.-англ. *holt* передаёт лат. *lūcus*), но позднее называли *firgenwudu* 'горный лес'; а на вестроне этот дримоним произносили как *Firien Wood* (разумеется, мы помним, что и то, и другое является переводом).

Имея в виду то, что германские когнаты: др.-англ. firgen (вар. fyrgen) 'гора, гора покрытая лесом', церк.-гот. fairguni 'гора, горный хребет', двн. топоним Fergunna, Firgunnea «Рудные и Сосновые горы» — восходят к общегерманской лексеме *fergwnijan — заимствование из кельт. *perkwniā, возводимого к и.-е. *perkwu-s 'дуб'. Обратим внимание на такой кельтский топоним, как *Perkuniā, известный нам в греческом написании как Ερκύνιος δρυμός и в латинском как Hercynia silva, под коим скрывается тот самый Мирквуд «древних германских легенд и географии». Разумеется, историческая память всадников не проникала столь далеко в прошлое, дабы отобразить былое единство Великого Леса. Но мне представляется интересным, что они обнаружили и выразили сродство этих лесных массивов.

Подчеркнём также, значение и.-е. корня *perkw- 'дуб', 'дерево', 'горный лес'. Кстати, более ранней формой корня был *kwerkw-: см. лат. quercus 'дуб', венет. Quarquēni букв. 'дубовники', кельт. Querquerni (в пров. Тарраконская Испания). См. главу The Ride of the Rohirrim: "where to their right great oakwoods climbed on the skirts of the hills under the shades of dark Halifirien by the borders of Gondor" («где справа от них громадина дубравы поднималась по склонам холмов под сенью тёмного Халифириена у границ Гондора»).

Младшая же форма и.-е. корня породила впечатляющее количество теонимов громовержцев: др.-инд. *Parjánya* 'бог грома и дождя', лит. *Perkūnas*, лтш. *Perkons* 'громовержец', алб. *Perëndi* 'Бог неба (владеющий ветвящимся оружием)', ди. *Fjörgyn* 'отец бога грома Тора'. Собственно и возникновение и.-е. наименования 'дуба' увязывается с наблюдением о притягивании этим деревом молний. Что подводит нас к индоевропейскому культу Громовержца, соединенному с дубовой рощей на вершине горы.

(35) Гондорский топоним, который эорлинги перевели на своё наречие – речка *Меринг* «Граничная».

В первом законченном варианте песни «From dark Dunharrow in the dim morning»

Пограничный ручей (Mering Stream) появляется под именем Фириенлод (Firienlode), т.е. firgenflöt 'горный поток' – при наличии трёх и более согласных звуков на стыке двух композитов сложного имени согласный f мог выпадать. И, глядя на комплекс имён hálig-firgen, firgen-dæl, firgen-wudu, можно сказать, что некогда эта речка действительно носила это имя, но к концу Третьей Эпохи её перестали так называть.

То есть мы приводим ещё один пример того, что не всегда «окончательный вариант имени полностью отменяет предшествующий».

(36) Ср. с прозвищем Voronda/Voronwë, разделяемым Элендилем и Мардилем.

Широко известным примером семантической передвижки «прозвище > имя > титул» может послужить история когномена (прозвища) рода Юлиев, — *Цезарь* — который наследники Гая Юлия вначале стали использовать как имя, а позднее он превращается в титул.

- (37) Любопытно, что в черновиках Дж.Р. склоняется то к южно-диалектному (уэссекскому) начертанию имени *Bealdor*, то к центрально-диалектному (мерсийскому) Baldor. Разумеется, в изданном тексте возобладал язык королевства *Marc* см. также замечания по этому поводу, сделанные Томом А. Шиппи.
 - (38) См. Прим. 37.
 - (39) Возможно, что современный носитель языка способен воспринять эту сему.
- (40) UT: «... who had driven out the last of the Dunlendings and even raided their lands in Enedwaith by way of reprisal...» («... изгнавшего последних дунлендингов и даже устраивавшего набеги на их земли в Энедвайте в качестве ответного удара...»).
- (41) Обычно этимологию имени *Эовор* возводят к др.-англ. *eofor* 'кабан, боров'; см. также исл. поэтизм *jöfurr* 'вождь, князь'.
- (42) Дж.Р. вообще-то склонен к употреблению этого приёма; ср. *Gamling The Old* Старичина Старый.
 - (43) «...года от Эорла Юного до Теодена Старого...».
 - (44) «... [в] Рохане были мир и процветание...».
- (45) Так, при основании колонии в Кирене в течение более 50 лет, прошедших со времени её основания, «населявших страну киренян было столько же, сколько человек с самого начала выселилось в колонию» (Геродот). Аналогичное явление в Новое время имело место при освоении греками Приазовья. Из Крыма в 1778 году их вышло примерно 30 тыс. человек, но до Приазовья, по оценке, добралось только 1/3. В 1817 году здесь насчитывалось 11 тыс. греков (В.П. Яйленко).
- (46) Не стоит забывать, что wold простирался и за Андуин в Бурые Земли (The Brown Lands).
 - (47) С которым Дж.Р. был так печально знаком.
- (48) Об этом событии нам повествует Эовин. Но здесь имеется определённая трудность: данная ремарка остаётся только в черновиках. И возникает вопрос: следует ли нам принимать эту информацию?

С моей точки зрения, она не вносит никаких противоречий в то, что мы знаем об истории всадников и их менталитете. Но более, чем моё мнение, показательна история о том, как эта речь Эовин исчезает из изданного текста и что в нём в итоге остаётся.

Повествование о событии появляется в виде совета, который даёт Эовин своему Королю на пиру в честь победы у Хельмовой Пади и тризне по павшим. Вся эта линия зарождается в ходе работы над одной из стадий развития главы «Смотр Рохана», которую Кристофер обозначил литерой Е. На этой стадии Дж.Р. ещё не видит историю похода Серой Дружины, а Арагорн со товарищи сопровождает Короля в его походе через горы к Дунхарроу. Однако введение в мифопоэтическую модель Средиземья линии Серой Дружины вносит значительные коррективы и в ситуацию, когда Эовин могла произнести эти слова. Так вместо одного события – пира/тризны в Дунхарге – возникают три разных события: два ужина и один совет (то есть witenagemoot). Причём первый ужин, где действуют Арагорн и Эовин — это новое событие, и оно, с одной стороны, зеркально повторяет разговор, прозвучавший за день до того в Хорнбурге между Эомером и Арагорном, а с другой стороны — прокладывает путь к Залам Исцеления в Минас-Тирите. Второй ужин довольно

близко следует линии, проложенной в первых набросках; но Эовин промолчит и не скажет о временах Брего. Однако последующие события покажут, что в это время она уже приняла решение о том, что будет инкогнито сопровождать дядю с эоредом Эльфхельма. То есть разговор между Теоденом и племянницей о том, что она хочет следовать за своим королём, уже состоялся; и, следовательно, аргумент о Брего уже должен был прозвучать... Но разговор этот мог произойти лишь во время уштенагемута, который первым делом (до отдыха) созвал Теоден, прибыв в Дунхарроу. На нём должны были присутствовать: сам Король, его военачальники (маршалы, капитаны), родовая аристократия (которую, например, представлял Дунхар — вождь долины Харроудейл) и гезиты и тэны Двора (то есть от гезитов точно должны были присутствовать Деорвине и Гутлаф, а от тэнов — Эовин, как кравчая). Однако Мерри — от лица которого мы и узнаем о происходящих событиях — там отсутствовал, и совет Эовин остаётся в черновиках.

Любопытно взглянуть и на Приложение А.II «Дом Эорла» в котором мы можем найти отблеск исследуемой линии из маргиналий к списку Королей Марки. Однако никакой конкретики здесь мы не найдём, и это «напоминает созерцание издали древних развалин, когда видны лишь общие очертания, контуры ясны, детали же лишь отвлекают от главного, и это, бесспорно, усиливает впечатление суровой простоты, которого автор, очевидно, и добивался».

- (49) Кроме предков дунледингов, на западных землях Марки обретались ещё и племена друэдайн.
 - (50) Та же Мерсия, в которой видят прообраз Марки это пограничье кимвров и англов.
- (51) См. Таблицу (статья «Метаморфозы Леода»): именно в это время у Алдора рождаются три дочери, причём его брачное поведение соответствует традиционному, докризисному. В то же время следует отметить, что его старший брат Балдор всё ещё придерживается кризисных брачных обычаев.

Интересно, что, судя по временным интервалам, у Алдора должны были появиться на свет близнецы.

(52) Усреднённое значение за длительный период.

Поразительно, что скорость развития населения Марки очень хорошо отвечает традиционному типу воспроизводства, господствовавшему до начала промышленной революции, и характерному для Европы в Средние века и Новое время – то есть от 2 до 3 промилле, что обеспечивало удвоение численности населения за 2 или 3 века.

- (53) "In his time the Rohirrim increased..." («В его дни [народ] рохиррим увеличился...»).
- (54) То есть отмеченный отсутствием удачи. (Ср. с названием мемориала Турина и Ниэнор Stone of the Hapless)
- (55) А Бальдор, заметим, сам отдал себя в руки судьбы, заинтересовавшись: "And when will that time be?" («И когда то время грядёт?»).
 - (56) Как же можно обойтись без Сигурда?!
- (57) «Уловка» исходит из предположения, будто в действительности скандинавская литература является английской: во-первых, потому что оба эти языка, и обе культурные традиции являются родственными с точки зрения филологии; а во-вторых, потому что когда-то в отдельных районах Англии, включая Лидс, коренные жители разговаривали на скандинавском так же естественно, как и на английском.
 - (58) Первичное значение слова.
- (59) Обратившись к кельтским параллелям, мы обнаруживаем богиню *Бригит*, покровительствующую поэтам, а также др.-ирл. лексему *bricht* 'чары, заклинание'.
- (60) Восприятие *северянами* Рованиона хозяйственного уклада насельников долины Андуин послужило также и первым шагом в изменении языка народа.
- (61) Так охотники и собиратели фородвайт, приспособившись к добыванию пропитания в море, стали предками нового этноса лоссот.
- (62) Собственно, те *северяне*, что бежали за реку Келдуин и в Гондор, так и поступили. Именно их потомки пали от нашествия *балхот* в дни Наместника Кириона.
 - (63) Кстати, обратим внимание на гористый характер ager Frentānus (Френтанской земли)

и на семантическую мотивировку имени кельтской богини *Бригит*, которую следует воспринимать не фигурально – «высокая, возвышенная» (то есть «великая»), а буквально – «связанная с возвышенностью».

- (64) Любопытно, что и *Бригит* в своей поздней ипостаси святой связывается с опьяняющим напитком. И нельзя исключать, что и эту черту святая унаследовала от своей предшественницы.
 - (65) Вспомним, что Эорл был весьма искусным поэтом.
- (66) Ср. с замечанием Т. Шиппи о том, что «истоки образа *всадников* не столько в истории, сколько в поэзии, ибо вся их культура основана на *песне*».
- (67) *Meduseld* поэт. «чертог, в котором пируют», букв. 'дом мёда [напитка]'. Любопытны колебания Дж.Р. в именовании тронного зала Золотых Палат. Неразборчиво записанное название почти сразу сменяется на *Meodarn/Meduarn*, после которого в тексты надолго входит имя *Winseld*, и, наконец, вновь возвращается к семе «медового зала».
- (68) Слово *обет* (*vow*) Дж.Р. использует в *LotR* достаточно редко, всего 6 раз и всего освещается три обета, и, что характерно, все они оказываются связаны с эорлингами: *Eorl vowed*, *Baldor vowed* и *Folca vowed*.

Др.-англ. существительное *vou* почерпнуто из латинского источника, от глагола *vŏveo* 'клянусь'. Предполагается, что лат. vŏveo происходит от греч. глагола βεβαιό; однако, полагаю, что они являются когнатами — то есть оба восходят к и.-е. hlewegwh- 'говорить торжественно'. П. Схрейвер высказал сильную гипотезу, что все случаи, когда в латыни перед гласным налицо сочетание -ov- о этимологическим лабиальным, следует рассматривать как рефлекс древнего -ev- (этимологическое -ev- перед гласным уже в пралатинском всегда давало -av-, за исключением позиции после H3).

Знаменательно то, что в тексте обозначается позиция Мудрых по отношению к обетам. Нет, не говорится о том, что приносить обеты плохо; но, и Элронд, и Фарамир оба советуют воздержаться от того чтобы их давать – потому что они оба выступают за то, что их необходимо выполнять.

Тут интересно вот ещё что: взгляд Фарамира (выражающего гондорскую точку зрения) несколько поверхностен – для него *обет* ассоциируется с *хвастовством*. Видимо, такая точка зрения сложилась в Гондоре благодаря поверхностному взгляду на культуру рохиррим, которой присуще давать обеты, как и вообще для северных культуру Средиземья, причём это вполне может приобретать и гротескные черты. Элронд смотрит глубже, и он замечает, что в процессе исполнения обета не только можно погибнуть, но обет может и сокрушить человека.

- (69) Ср. с путём Одина, проникающего в гору воспринимаемым как путешествие в иной мир. Но также помним и о том, что Бальдор вступает на путь, предназначенный Арагорну как прообразу Христа. Что подводит нас к дискуссии, возникшей между Толкином, Льюисом и Дайсоном, в ходе которой Льюис обратился к христианству!
 - (70) Заметим, что у Брего было ещё два сына и, по крайней мере, три внучки.

(доклад, прочитанный на XIII БлинКоме)

Королевская власть у эльфов - тема множества дискуссий в фэндоме за последние годы. При этом многое в ней, несмотря на обсуждения, на мой взгляд, далеко от ясности. И речь идет не только о самом «плодотворном» для споров вопросе — о наследовании и передаче власти, о правах на нее и т.д. Важно, кроме того, помнить, что, хотя мы часто говорим просто о «короле» (например, Синдар или Нолдор), иногда — о «верховном короле», там и там используется одно и то же слово, снабженное во втором случае дополнительным определением. У эльфов же для обозначения понятия «король» существовали по меньшей мере два разных слова. Мало того: согласно одному из словарных текстов («Этимологии» 5 тома), они еще достаточно четко различались по значению.

Итак:

«*taro king: only used of the legitimate kings of the whole tribes, as Ingwe of the Lindar, Finwe of the Noldor (and later Fingolfin and Fingon of all the exiled Gnomes). The word used of a lord or king of a specified region was aran (...). Thus *Fingolfin taur egledhriur* 'King of the Exiles' (...), but *Fingolfin aran Chithlum* 'King of Hithlum'»

«*taro, «король»: использовалось только для законных королей целых племен, как Ингве у Линдар, Финве у Нолдор (и позже Финголфин и Фингон изгнанных Номов). Слово, использовавшееся для лорда или короля определенной территории, было «аран» (...) Таки образом, Fingolfin taur egledhriur, «[Финголфин], король Изгнанников», но Fingolfin aran Chithlum, «король Хитлума».

(Далее указывается также, что илькоринское (...) слово tor употреблялось только по отношению к Тинголу).

Впрочем, в написанном позже тексте «Квенди и Эльдар» пример, относящийся к употреблению падежей, оба варианта обозначает одним словом: «Elwe, Aran Sindaron, или Aran Lestanorëo».

В первом случае сам текст дает вариант перевода «Элве, король Синдар (народа)» («Лестаноре», «земля оставленных», как мы можем выяснить с помощью тех же «Этимологий», – одно из названий Дориата).

Было бы любопытно понять: произошла ли тут смена концепции, или речь идет об обыкновенной забывчивости автора? Впрочем, и во второй цитате сами идеи «короля народа»

и «короля определенных земель» выражены отдельно; никому, похоже, не приходило в голову называть того же Тингола «королем Синдар и Белерианда»: либо одно, либо другое.

Поэтому я хотела бы пока отталкиваться от первой цитаты (тем более, что существует немало текстов, относящихся именно к «ее» хронологическому пласту) и посмотреть на событий эльфийской истории через призму вопроса: когда и как могли появиться и функционировать у разных эльфийских народов эти понятия?

Возвращаясь к первой цитате, отметим несколько интересных моментов. *Таго*, «король народа» — это король «целого племени» и притом «законный». Соответственно, их не может быть слишком много. И сами словоупотребления из двух примеров показывают нам, что, помимо трех народов Эльдар, такой титул могли носить также те эльфы, что правили после двух наиболее крупных разделений среди Эльдар: на Синдар и Телери — и на Нолдор Валинора и Нолдор-Изгнанников. Прочие разделения (например, отделение Нандор) новых «королей народа» не производили.

Для термина *aran* никаких строгих определений, кроме наличия определенной территории под властью, нет; соответственно, нет и строгого ограничения их количества (в том числе – одновременно).

Когда же появляются у Эльдар эти понятия? Попробуем заглянуть в тексты – где, увы, оба варианта будут обозначены одним и тем же «король/king».

Первое важное уточнение: в отличие от прекрасного облика, речи, любви к звездам и многих иных качеств, королевская власть у эльфов не изначальна.

«Therefore Oromë was sent again to them, and he chose from among them ambassadors who should go to Valinor and speak for their people; and these were Ingwë, Finwë and Elwë, who afterwards were kings» (Сильмариллион, гл. 3) [Поэтому Ороме снова был отправлен к ним, и он избрал из них посланников, которые должны были идти в Валинор и говорить от лица своего народа; и это были Ингве, Финве и Эльве, которые потом стали королями]

При этом к моменту исчезновения Элве говорится уже именно о королевской власти:

«Thus Elwe's folk who sought him found him not, and Olwe took the kingship of the Teleri and departed, as is told hereafter» (*Сильмариллион*, гл. 4) [Итак, народ, искавший Элве, его не нашел, и Олве принял королевскую власть над Телери и отправился в путь, как сказано далее].

Поскольку после возвращения трех послов эльфы относительно вскоре, после сборов и споров, отправились в Великий Поход, то наиболее логичным моментом для появления королей мне видится как раз связанный с уходом на Запад. Короли становились во главе тех, кто уходил в землю Валар. (И сами их титулы, и, возможно, сама идея короля могли возникнуть под влиянием Валинора: не случайно тот же корень -tar- употребляется для самих Валар).

Отсюда, если вспомнить о происходящем в этот момент разделении эльфов на Эльдар и Авари, следует важный вывод: королевская власть не только не изначальна, она еще и никогда не распространялась на всех эльфов (= Квенди) сразу. Она распространялась на всех Эльдар (и, соответственно, на всех вообще Ваньяр) и не касалась Авари. Учитывая предстоящее выступление в поход, логично предположить и то, что это была действительно власть «короля народа», потому что никакой определенной «земли» у этого народа в ближайшее время не предполагалось — для всех трех эльфийских племен. Теперь посмотрим, как же развивается их история дальше и когда могло возникнуть второе понятие.

Проще всего случай Ваньяр. Они благополучно прибывают в Валинор, не претерпевая никаких разделений, и в дальнейшем переживают лишь переселение из Тириона в Валмар. Соответственно, Ингве так и остается королем всех Ваньяр (и, кстати, королем всех Эльдар вообще). Любопытно при этом, что Ваньяр никогда не обитают в Валиноре на земле, принадлежащей именно им: сначала они делят один город с Нолдор, а затем переселяются в

город, принадлежащий Валар. Любопытно поэтому, было ли у них вообще и применялось ли активно понятие «короля определенной территории»?

До ухода Ваньяр в Валмар судьба Нолдор идентична с ними – с той разницей, что они как раз по итогам остаются на своей земле (выделенной Валар именно для эльфов); прибывшие позже них Телери занимают достаточно определенную территорию. Дальнейшая история королевской власти Нолдор связана уже с событиями Непокоя, Исхода и их последствий, к которым мы вернемся чуть позже.

Пока обратим внимание на то, в каком состоянии ситуация с королевской властью находилась у Третьего народа.

Для этого вернемся к уже упомянутой ситуации с исчезновением Элве. Третий народ, самый многочисленный и неспешный, выступает в поход под руководством двух вождей, родных братьев. Вероятно, во многом это обусловлено именно практическими соображениями — большой численности и большой протяженности, на которую может растянуться такое множество. Олве, вероятно, получает под свое начало определенную часть идущих (так, сказано, что Ленве и будущие Нандор отделяются «от воинства Олве» — Сильмариллион, гл. 3). Однако при этом король — лишь один из братьев, и только когда он исчезает, Олве «принимает на себя королевскую власть» (там же). В дальнейшем оказывается, что эта ситуация, возможно, имела провиденциальное значение: так каждая из двух частей одного народа, чьи исторические судьбы надолго разделяются, получает своего короля.

И каждый из них, помимо подданных, может числить под своей властью и определенную территорию. Размер их совершенно различен (судя по всему, земли Белерианда и окрестностей обширнее Альквалонде и окрестностей Гавани). Но смысл – один и тот же: речь идет о территории, на которой обитают подданные этого короля. В каждом из случаев, конечно, имеются свои особенности.

Телери Валинора, как и Фалатрим Белерианда, не стремятся занимать обширную территорию, больше внимания уделяя кораблям (ср. титул Олве *Кириаран* («Шибболет Феанора») и прозвище *Кирдан*, практически вытеснившее исходное имя Нове).

В землях же Тингола, достаточно обширных, обитают разные группы Синдар, поразному, видимо, и организованные. О некоторых из них нам известно, что их возглавляли те или иные лидеры, но королями никто из них не назван. Это тот же Кирдан, известный по более позднему времени глава Нандор, переселившихся в Дориат («Нарн»). Об устройстве митримских эльфов судить куда сложнее: если в консервативном и мало меняющемся за Завесой Дориате устройство, скорее всего, сохранилось с до-солнечных времен, то здесь сама история Белерианда провоцировала более динамичное развитие, а какие-то конкретные данные у нас есть только для времени после Нирнаэт (Аннаэль, возглавляющий одну из групп митримских эльфов – «Приход Туора в Гондолин»). Нужно заметить, что это наличие какихто локальных правителей было, похоже, вовсе не обязательным: вряд ли обладали какой-то сложной общественной структурой те Синдар, которые «шли и пели на ходу» (Сильмариллион, гл. «О Синдар»).

Интереснее всего случай Нандор. Эта группа, как мы уже упоминали, отделяется еще во время Великого Похода. Уводит ее некто Ленве (по другим текстам – Дан), а часть ушедших приводит позже в Белерианд его сын Денетор. Ни тот, ни другой ни разу не названы королями. Более того, их жизнь до прихода в Белерианд явно не предполагала какой-то четкой организации: Денетор «собрал, кого мог, из рассеявшегося народа» (Сильмариллион, «О Синдар», источник – Серые Анналы). Однако о событиях после смерти Денетора сказано:

«Bitterly though his fall was avenged, when Thingol came upon the rear of the Orcs and slew

them in heaps, his people lamented him ever after and took no king again» («О Синдар», то же) [Хотя его смерть была жестоко отомщена, когда Тингол напал на арьергард орков и убил их великое множество, его народ оплакивал его вечно и больше не выбирал себе короля]

Здесь я могу высказать лишь предположение. Предполагаю, что ни исходно, ни впоследствии сами Нандор как Ленве, так и Денетора королями не называли. Но с точки зрения жителей Белерианда, уже знакомых с этим понятием, такой глава отдельного народа, иного по языку, даже в Белерианде занимающего отдельную территорию, возможно, скорее мог называться именно королем. Т.е., возможно, перед нами скорее осмысление ситуации извне.

Однако дальше ситуация развивается иначе, и ситуации сосуществования нескольких королей в Белерианде не возникает. Но напомню, что при этом существует ситуация возможной (не обязательной) двухступенчатой структуры, когда верховенство короля (Тингола) признают владыки определенных народов (групп?) эльфов. И при этом — конечно, и определенных более или менее земель, но прежде всего — народов. Поскольку многие Синдар ведут хотя бы относительно оседлый образ жизни, во власти короля можно выделить и тот, и другой аспект. Но нет никакой необходимости их разделять. Власть и над всеми землями, и над всеми эльфами принадлежит полностью одному и тому же королю.

Здесь еще нет, на мой взгляд, той двуплановой ситуации сосуществования системы «королей земли» и «королей народа», которая окончательно складывается у Нолдор Белерианда. Посмотрим теперь, каким именно путем это происходит.

После переселения Ваньяр ситуация у Нолдор мало отличалась от аналогичной у Телери: ими правил король (Финве Нолдоран, «Король Нолдор»). Он же, вероятно, мог считаться и королем всех тех земель Эльдамара, где жили Нолдор – видимо, недостаточно обширных, скорее – Тириона и окрестностей.

Однако ситуация резко меняется еще во время Непокоя Нолдор. В рамках данной темы мы совершенно оставляем в стороне и суть конфликта, и многие его подробности. Важен результат, причем причиной его был даже не сам приговор Валар об изгнании одного конкретного Нолдо, а то, что за ним последовали, во-первых, Финве, во-вторых, некоторое количество последователей, и в Форменосе была построена крепость. В результате складывается следующая ситуация. Финве остается королем Нолдор, т.е. всех Нолдор Валинора. (Решение Валар не касалось лично его, в т.ч. его власти; в вестях о смерти он также назван королем). При этом, поскольку он отсутствует там, где живет большинство подданных, Финголфин по решению Валар, т.е. вполне официально, «правил Нолдор в Тирионе» (Сильмариллион, гл. 7, источники – Поздняя Квента Сильмариллион-2 и Анналы Амана (1)). При этом Феанор руководит жизнью крепости Форменос и ее обитателей от момента появления этого укрепления. Полномочий ему таких никто не выдавал, – его, наоборот, наказали, изгнав на время из Тириона – но сложившейся «по факту» ситуации также никто не препятствует.

Таким образом, есть «король народа», один на весь народ. И есть два правителя, каждому из которых подчинена одна из двух территорий, где в данный момент живут Нолдор. (Финве, кстати, никакой конкретной территорией не управляет!). Другое дело, что мы не знаем, как они именуются. Что точно – не королями-taro. Однако эта ситуация порождена условиями чрезвычайными и поставленными на время. Любопытно было бы знать, насколько все вернулось бы к прежнему положению вещей при мирном окончании срока изгнания. Но ситуация, как мы знаем, разрешается экстренно и немирно, – и начавшая складываться система разрушается. Встает вопрос о том, кто теперь король всех Нолдор; сами эти Нолдор вскоре переходят к состоянию, аналогичному Великому Походу (т.е. не имеющие определенной территории); мало того, некоторое время у нас действуют два параллельных народа Нолдор, каждый со своим претендентом на роль короля (...народа, опять же), – это не считая тех, кто не

отправился с ними!

Но посмотрим на ситуацию, когда она снова приходит в спокойное состояние. Нам в данном случае, опять же, не так уж важно, из какой ветви народа Финве оказался новый король. Важно, что это снова был один король целого народа (и, вероятно, именно тогда к его определению было добавлено понятие «законный»). Впрочем, иного, чем «все Нолдор»: теперь и у них происходит историческое разделение, и появляется отдельный народ «Изгнанников», т.е. Нолдор Исхода.

(Интересно, кстати, что мы довольно мало знаем о самоопределении неушедших. Определяли ли они себя как «Нолдор Валинора» – или продолжали считать себя просто и именно «Нолдор»? Мы доподлинно знаем, что ими правит Финарфин – но каков его титул? Королем (или каким-то иным определенным титулом) он нигде не назван: «...and Finarfin was set to rule the remnant of the Noldor in the Blessed Realm» [а Финарфин был поставлен править оставшимися Нолдор в Благословенных Землях] – Сильмариллион, гл. 9, «Об исходе...», источник – Поздняя Квента Сильмариллион-2 и Анналы Амана)).

Интересен был бы, конечно, еще и вопрос, насколько резко «Изгнанники» отделяли себя от Нолдор Валинора. Но тут, помимо идеологического, есть и практический аспект: на данный момент они существуют и могут быть кем-то руководимы только по отдельности. (См. похожую ситуацию с Фалатрим, желавшими попасть в Валинор, и Тинголом).

Степень отделения могла быть различна (ср. информацию о том, что название «Наш любимый дом» употребляли по отношению к Валинору все, кроме последователей Феанора). Но идея одного короля для всех Нолдор Исхода, похоже, приемлема для всех; разногласия, которые нам известны, относились скорее к конкретным кандидатурам.

Итак, «король народа» в Белерианде есть; определение его власти дополнилось понятием «законности».

И в том же Белерианде появляются и «короли земель», причем, видимо, практически сразу — в числе больше одного. Опять же, если мы посмотрим на данное в «Этимологиях» определение короля-*aran* а, то увидим здесь только один критерий — «определенная территория». Что, вероятно, подразумевает — четко ограниченная от других. Здесь могут играть роль географические факторы (Хитлум), магические (Завеса Дориата), все то же плюс строгая секретность (Гондолин)...

В результате количество «королей земли» оказывается не ограниченным не только для Белерианда в целом, но даже для одного Дома Нолдор.

Король Хитлума, как мы знаем из «заглавного» примера — Финголфин. При этом его сын Тургон — король Гондолина, задолго до того, как он окажется Верховным королем. (Интересно проверить, назван ли он королем при жительстве еще в Неврасте?) При этом Фингон, которому отдан Дор Ломин, отдельным королем не становится, что логично, — эта территория уж слишком тесно связана с Хитлумом.

В Третьем доме, впрочем, король только один – Финрод. Дортонион – по идее, довольно самостоятельная территория, но обитающие там Ангрод и Аэгнор – только «вассалы» Финрода. Возможно, здесь сказывается то, что Финрод (и, видимо, его подданные) могли осваивать всю эту территорию совместно, еще до постройки Нарготронда, возможно – малая заселенность Дортониона... (Но все же территория достаточно самостоятельна – может быть, отсюда и наименование «вассалов», которое не получают ни Фингон, ни братья Маэдроса).

И, наконец, потомки Феанора во главе с Маэдросом. Который, как мы знаем, «отрекся от власти», передав ее Финголфину, – но это говорится о власти над всеми Нолдор, о титуле

«короля народа». Что же относительно «короля земли»? Восточный Белерианд достаточно обособлен и географически и, так сказать, политически.

Интересно, что хотя у нас нет ни одного «сольного» упоминания Маэдроса, где он назван королем, можно найти достаточно «коллективных».

Самое яркое – в главе «О приходе Людей на Запад» (источник – соответствующая глава в *Поздней Квенте Сильмариллион*), где своих посланцев к Эдайн присылают «короли трех домов Эльдар». Интересны еще две формулировки из не вошедших в «Сильмариллион». Так, в *Квенте Сильмариллион* 5 тома при описании последствий Дагор Аглареб говорится:

«...and for a long while after none of the servants of Morgoth would venture from his gates; for they feared the kings of the Gnomes.» (QS, 101) [И долго после этого никто из Морготовых слуг не решался выйти за ворота, ибо они страшились королей Номов].

Основные же силы эльфов в этой битве были представлены войсками Финголфина и Маэдроса, притом, что Финрод и Тургон именно в это время, по версии *Квенты Сильмариллион*, путешествовали и увидели сны от Ульмо, т.е. в битве никак не участвовали, и напугать слуг Моргота могли только первые два *короля*.

Наконец, в «Нарн и Хин Хурин», в начальной главе, в разговоре Хурина с Морвен речь идет «of the designs of the Elven-kings» (о замыслах королей эльфов) и дальнейших возможных действиях этих «королей» (2). Речь идет о Союзе Маэдроса, где из возможных «королей» принимали участие Маэдрос и Фингон; Ородрет совершенно точно не участвовал, а Тургон появился только на поле битвы. Хотя тут, конечно, стоит еще вопрос, насколько Хурин мог иметь в виду именно деятельных участников, насколько – всех «королей земли» у Нолдор, и даже, возможно, Тингола.

В любом случае, это упоминание—не единственное, и по совокупности мы можем сказать, что Маэдрос наверняка был агап'ом, «королем земли» Восточного Белерианда. Значительная часть земель при том непосредственно управлялась теми или иными из его братьев, — при этом они, как и Фингон, управляющий Дор Ломином, не называются «вассалами». Действительно, все эти территории (за вычетом разве что земель Карантира в предгорьях) слабо отделены друг от друга географически.

(Поэтому, когда в каких-то фэндомских текстах и дискуссиях появляется время от времени тезис «Маэдрос отрекся от власти, но «свои» все равно считали его королем», —мне хочется переспросить: «Каким королем?» Потому что, думаю, самые ярые последователи Феанора вряд ли могли бы утверждать, что он **являлся** в Первую Эпоху королем всех Нолдор Исхода: речь могла бы идти о том, что мог бы, был бы достоин, по праву (при определенном толковании этого права) должен был им быть... При этом королем- агап'ом Восточного Белерианда он был со всей очевидностью, об актуальности этого титула можно говорить даже после Нирнаэт, по крайней мере до падения Амон Эреб...)

Итак, описанная терминами из «Этимологии» двухуровневая система королевской власти складывается именно у Нолдор Белерианда. Каковы же были ее возможные источники? Один из них был назван ранее: это ситуация с управлением народом Нолдор в Валиноре после изгнания Феанора. Отличие от нее одно (помимо того, что белериандская система сразу образуется как постоянный и «нормальный» вариант): Финве правил всеми Нолдор в целом, но не управлял ни одной из двух конкретных «земель». А у Финголфина и его наследников есть и свои «определенные территории»: Хитлум, потом Гондолин. Но чрезвычайная, стихийно сложившаяся система — возможно, не единственный образец, определивший систему управления у Нолдор Белерианда.

Идея короля-taro, судя и по совпадению терминов, и по времени появления, испытала влияние либо валинорских впечатлений трех посланцев, либо еще и рассказов Ороме. Но

посмотрим на структуру тех же Валар. Есть Манве, Король мира, которому подчиняются все прочие Айнур, кроме мятежных – и Ульмо, Ороме и Ауле... Но при этом Манве не управляет океанами, недрами или животным миром: у каждого из Валар есть своя «четко определенная территория», где он реализует свои склонности, умения и полномочия.

Мне эта параллель кажется достаточно очевидной, чтобы полагать, что эльфы ее наверняка проводили.

Кроме того, пришедшие Нолдор наблюдали сложившуюся в Белерианде систему власти с Тинголом во главе. Причем недавние войны внесли в нее коррективы в виде Завесы Мелиан, и Нолдор наверняка видели именно «практику», а не теорию. Тингол и после ухода за Завесу считал себя и королем Синдар, и владыкой всей территории, которую они занимали. Так, при расселении Нолдор он и указывал им земли, и требовал не обижать тамошних обитателей. Но при этом сам он с этих пор не покидает пределов Завесы... и мы наблюдаем знакомую конструкцию: владыка всего народа и части территории!

Именно ко времени мирного Белерианда, думаю, относятся оба примера, процитированные выше, где упоминаются «короли земли» и «короли народа». Они, кстати, хорошо отражают двуязычие Нолдор, сочетание ученого и повседневного языка: фразы о короле Нолдор сказаны на Синдарине (напомню, повседневном языке *Нолдор* Белерианда — везде, за вычетом Гондолина), а титулы короля Синдар приведены на Квенья! Второе, конечно, может быть только переводом, сделанным Нолдор. Интересно при этом выглядит и то, что оба варианта переведены одним и тем же термином — *aran*. Любопытно, почему именно им: синдаринский вариант титула *tor* происходит от другого корня. Возможно, Тингол воспринимался в первую очередь как «король земли» (четко ограниченного Дориата), а не как «король народа» (в т.ч. различных, слабо в повседневной жизни связанных с ним Синдар «внешнего» Белерианда). При этом то, что обе разновидности власти обозначены одним и тем же термином, скорее может отсылать нас к синдарскому восприятию ситуации, когда один и тот же Тингол правит всей (данной) землей и всем народом.

Итак, для Ваньяр, по-видимому, была наименее актуальна функция власти над какойто собственной территорией. Для Синдар и Телери понятие собственной территории было, вероятно, более выраженным, но владел всей этой землей тот же правитель, что управлял всем народом (в том и в другом случае — один). Таким образом, эти ситуации могли восприниматься скорее как два разных аспекта одной королевской власти, чем как два разных титула и круга обязанностей (которые могут при этом принадлежать одному эльфу).

И только у Нолдор складывается (в окончательном виде в Белерианде) более сложная, двухуровневая система власти. Наиболее явными причинами я полагаю сочетание факторов расселения их на значительной территории (не обязательно равномерное) и неблагоприятной ситуации (конфликтная ситуация в Валиноре, необходимость обороны в Белерианде). При этом материал для складывания этой системы Нолдор брали как из собственного опыта, так и из других доступных им примеров. О Синдар и Валар уже было сказано; систему управления у Телери они, несомненно, знали (но неясно, могла ли она дать что-то им в этом случае). А у Ваньяр могла быть, например, замечена «двухуровневая» позиция Ингве – Короля-над-королями и одновременно короля Ваньяр. При этом, видимо, на протяжении всей Первой Эпохи у Нолдор сохраняется довольно сильное чувство единства народа. Они довольно долго сохраняют это единство, не разделяясь на «атомарные» группы, как какие-нибудь Нандор или Авари вне Белерианда. И сохраняют также, как необходимый элемент мировоззрения, представление об одном короле всего народа, даже когда после битв Дагор Браголлах и

тем более Нирнаэт Арноэдиад его реальная власть над всеми Нолдор становится все более номинальной. Но, видимо, важна была не только возможность управления народом, но и сам факт его наличия.

Поэтому критично, что после гибели Фингона Тургон «был по праву королем всех Нолдор» (*Серые Анналы*, с. 243). О том же говорит эльф из митримских синдар Аннаэль своему воспитаннику Туору:

«He is a son of Fingolfin», said Annael, «and is now accounted High King of the Noldor, since the fall of Fingon. For he lives yet, most feared of the foes of Morgoth, and he escaped from the ruin of the Nirnaeth, when Hurin of Dor-lómin and Huor your father held the passes of Sirion behind him» («Приход Туора в Гондолин») (3) [«Это сын Финголфина, — сказал Аннаэль, — и ныне, после гибели Фингона, он считается верховным королем Нолдор. Тургон, коего Моргот страшится более, чем кого бы то ни было, все еще жив: он избежал гибели в Нирнаэт, ибо Хурин из Дор-Ломина и Хуор, твой отец, прикрыли его отступление, преградив теснину Сириона» (пер. А. Хромовой)].

Не очень понятно, насколько все же удалось сохранить это единство (и его выражение в едином короле) до самого конца Первой Эпохи. Тексты по этому времени очень кратки и отрывочны, а по поводу Гил-галада – еще и противоречивы. По поводу его власти есть только упоминание в заметке, приведенной в приложениях к «Шибболету». Не касаясь вопросов родства, процитируем конец этой заметки: «...came to Sirion's Mouth and was King of the Noldor there» [пришел к устью Сириона и стал там королем Нолдор]

Упоминание слишком кратко, на мой взгляд, чтобы было точно понятно, идет здесь речь о короле всех Нолдор, живущем в устье Сириона, или о короле земель в устье Сириона и Нолдор, живущих в этой местности. Ясные же упоминания о Гил-галаде как о Верховном короле всех Нолдор относятся уже к Линдону и Второй Эпохе (Приложения к ВК). Так что, возможно, к самому концу первой Эпохи двухуровневая система разрушилась не только в реальности, но и в представлениях Нолдор (4).

В условиях экстремальных, где главная и не обязательно выполнимая задача—выживание, и эльфы, и люди естественно переходят к довольно схожему варианту общественного устройства—небольшим сообществам. Руководитель такого сообщества тоже часто определяется в ходе событий, и если до этого не имел титула короля, то и не получает его. К тому же во многих случаях «королем земли» мешает называться утрата прежних земель и кочевая жизнь «листьев под ветром», а уж на «короля целого народа» такой правитель и претендовать не будет.

И конкретные цели выживания оказываются важнее даже того чувства единства народов, появляются смешанные поселения – Нолдор, Синдар и Людей (Гавани Сириона, Балар – особенно после падения Гаваней).

Мы, кстати, не упомянули о судьбе королевской власти у Синдар. Она ненамного пережила гибель Тингола, всего на несколько лет правления Диора, носившего среди прочих прозвище Элухиль, «Наследник Элу». Действительно, он принимает власть после Тингола — но какую именно, как бы ни казался теоретическим этот вопрос? Считают ли его подданные королем Дориата (или всего Белерианда) — или королем всех Синдар? Этого мы точно не знаем, возможно, что снова, как и при Тинголе, два аспекта сочетались целиком в одном правителе.

Интересно, что с началом более спокойной поначалу Второй Эпохи два эльфийских народа, приспосабливаясь к изменившимся условиям, словно меняются местами. По крайней мере, у Нолдор так и не возрождается двухуровневая система. Король Гил-галад правит всеми Нолдор Средиземья – и землями Линдона, где живет значительная часть этих Нолдор. Нет никаких других нолдорских королей, которым подчинялись бы другие земли, а если определенная территория кем-то управляется, то королем он не называется, близко ли

(Келеборн в Южном Линдоне) или далеко от него (Элронд в Ривенделле) он правит. Наконец, само правление Гил-галада оказывается своеобразным эпилогом к Первой Эпохе (превышая ее по длительности в несколько раз), к идее Верховного короля Нолдор-изгнанников. С течением времени неуплывших Эльдар остается все меньше, мир становится если не явно враждебен, то все более чужд им, и в прошлое уходят не только эльфийское мастерство и доблесть, но и сложные схемы управления. После гибели Гил-галада о новом короле всех Нолдор речь даже не заходит. Возможно, теперь их количество (и настроения?) кажется недостаточным, чтобы считать их отдельным народом от Нолдор Валинора.

При этом Синдар, жившие всю Первую Эпоху под властью одного короля, воспроизводят эту схему в нескольких разных местах. И в каждом из них, видимо, это вновь была схема «один король всего здешнего народа и всей его земли». Толкиен называет определенно две таких династии: Амдира, затем Амрота в Лориене, а также Орофера и Трандуила в Зеленолесье. Оба случая – это Синдар, поселяющиеся среди Нандор и приносящие им в том числе свои традиции управления. Толкиен упоминает «the Sindarin princes of the Silvan Elves», не называя, сколько их было («Неоконченные предания», «История Галадриэли и Келеборна», приложение Б). Возможно, были и другие (например, король Бладортин, о котором мы точно не знаем, человек это был или эльф). Возможно, не все они даже принимали титул короля. Однако с течением времени и эти «растиражированные» королевства гибнут и не возобновляются. Время эльфов уходит из Срединных земель, и можно только предполагать, какие феномены устройства власти могли быть вызваны в землях Амана прибытием значительного числа жителей Средиземья. В нем же самом королевская власть у эльфов, в том числе наиболее сложная «двухуровневая» ее разновидность, созданная Нолдор, остается в прошлом.

Примечания

- (1) Где сказано «в Туне» / «на Туне», что, впрочем, не меняет смысла.
- (2) «Короли» упомянуты при изложении разговора трижды. Это упоминание отмечено Юлией Понедельник.
- (3) «Шибболет», похоже, представляет другую, более позднюю версию, говоря о ситуации после гибели Финголфина: «The Noldor then became divided into separate kingships under Fingon son of Fingolfin, Turgon his younger brother, Maedros son of Feanor, and Finrod son of Arfin...» [Нолдор затем разделились на отдельные королевства под властью Фингона, сына Финголфина, Тургона, его младшего брата, Маэдроса, сына Феанора, и Финрода, сына Арфина]
- (4) В связи с этим интересен ранний, «до-гилгаладовский» текст *Квенты* 4 тома о притязании Маэдроса на верховную власть после падения Гаваней, но он заслуживает отдельного рассмотрения.

(продолжение)

Фродо

Если с Гэндальфом связаны некоторые черты «Сына Божьего», которые подчеркивают параллелизм с божественной природой Иисуса, то Фродо несет в себе более земные свойства, и если в прошлом сравнивались христологические образы и изменения, произошедшие с Гэндальфом после его возвращения, то теперь черты сходства с Иисусом ученые находят в квесте Фродо (25). Христологические образы, связанные с Фродо, можно найти и в других мелких деталях и событиях уже в самом начале «Властелина Колец», когда читателю внятно намекают о роли Фродо на дне рождения Бильбо. Это и день рождения Фродо, и ему исполняется тридцать три года (I, 29 - 30). Этот возраст традиционно приписывают Иисусу на момент распятия, исходя из данных Евангелия от Луки, что Иисус начал Свое служение, когда Ему исполнилось тридцать (Лк. 3:23), с прибавлением трех лет, которые длится это служение в Евангелии от Иоанна. В этот свой день рождения Фродо объявляется «наследником» (І, 38) слово весьма многозначное. В сумме возраст Бильбо (сто одиннадцать лет) и Фродо равняется ста сорока четырем годам, то есть двенадцать раз по двенадцати – снова значимое библейское число (напр., Откр. 7:4 /«И я слышал число запечатленных: запечатленных было сто сорок четыре тысячи из всех колен сынов Израилевых»/; см. I, 38). Однако этим ранним сигналам вскоре «противоследует» количество лет, прошедших между исчезновением Бильбо и завязкой основного сюжета. Когда сам Фродо уходит из Шира, ему уже за пятьдесят (I, 52).

В смертной природе Фродо много деталей, которые совпадают с жизнью Иисуса. Подобно Иисусу, Фродо имеет «мало славы... в родных краях» (III, 305; Мк. 6:4 [«Иисус же сказал им: не бывает пророк без чести, разве только в отечестве своем и у сродников и в доме своем»]). Подобно Иисусу, он не заботится о завтрашнем дне (III, 191; Мф. 6:34 [Итак не заботьтесь о завтрашнем дне, ибо завтрашний [сам] будет заботиться о своем: довольно для [каждого] дня своей заботы]). Подобно Иисусу, он знает о своей особой задаче — задаче, за которую он берется, зная, что ему будет тяжело: «Я возьму Кольцо... Только я не знаю, куда идти» (I, 284; см. Ин. 12:27 [«Душа Моя теперь возмутилась; и что Мне сказать? Отче! избавь Меня от часа сего! Но на сей час Я и пришел»] и Исаия 6:8 [«И услышал я голос Господа, говорящего: кого Мне послать? и кто пойдет для Нас? И я сказал: вот я, пошли меня»]). В отличие от Бильбо, Фродо не приглашают в путешествие «туда и обратно» (I, 114). Неизбежное чувство приближения к мучительной цели очевидно и для читателя «Властелина Колец», и для читателя Евангелий, когда Иисус отправляется в Иерусалим и решает не скрываться от

الما

нависшей опасности. В пути Фродо подвергается искушению наподобие искушения Христа. На Амон Хене он должен подавить в себе желание выбрать легкую дорогу в Минас Тирит: «Я знаю, что я должен делать, но я боюсь» (І, 413). Здесь в роли дьявола выступает Боромир, пытаясь соблазнить Фродо обещанием отдыха и исцеления (І, 415) - как дьявол пытается соблазнить Христа превратить камни в хлебы (Мф. 4:3 - 4). Далее в тексте заметен отзвук искушения Иисуса Петром, когда тот хочет отговорить Его от принятия страданий. «Отойди от Меня, сатана», – приказывает в ответ Христос в последующем стихе Евангелия от Марка (Мк. 8:33 [«Он же, обратившись и взглянув на учеников Своих, воспретил Петру, сказав: отойди от Меня, сатана, потому что ты думаешь не о том, что Божие, но что человеческое»/). «Прочь! Прочь! – приказывает Фродо Голлуму на склонах Горы Судьбы. – Убирайся, ползучая тварь!» (III, 221) (26). Здесь можно увидеть и еще одно сближение, так как Фродо в этом отрывке сам описывается в терминах Преображения: «властелин..., облаченный в белое» (III, 221). Если снова обратиться к Евангелиям, то ошибка Петра в Кесарии Филипповой (Мк. 8) тесно связана с Преображением в следующей главе. Ближе к концу историй Фродо и Иисуса все мучительнее ощущается предательство. Один из двенадцати учеников Иисуса – Иуда – предаст Его в руки властей. После того, как Фродо столько раз был к нему милосерден, Голлум заведет хоббитов в логово Шелоб.

Конечно, Фродо более всего напоминает Иисуса в том, что касается жертвенности. Фродо совершает путешествие, кажущееся невозможно тяжелым, во имя всех разумных существ, обремененный ношей Кольца, которое Ричард Пертилл ассоциирует с крестом, в Мордор, который Пертилл сравнивает с Голгофой (Purtill, pp. 56 - 57). «Скачи! Скачи!» (Ride on, ride on) - кричат ему вслед по дороге в Ривенделл (I, 225), совсем как в знаменитом гимне Генри Милмэна толпа кричит вслед Иисусу при Его въезде в Иерусалим (27). Из Дома Элронда Фродо отправляется, неся под курткой цену всего Шира (І, 331). Это одновременно и денежная стоимость его митриловой кольчуги (І, 331), и богословская истина о значении Кольца – под его верхней одеждой скрыто и то, и другое. Фродо проходит сквозь унижения и страдания: его бросают в темницу, раздевают, бранят, бьют – все это напоминает Страсти Христовы и более ранние слова Исаии о страдающем «Рабе Божием» (Исаия 52 − 53 [«...Он истязуем был, но страдал добровольно и не открывал уст Своих ... На подвиг души Своей Он будет смотреть с довольством; чрез познание Его Он, Праведник, Раб Мой, оправдает многих и грехи их на Себе понесет»]). Хотя Фродо в конце и не призывают буквально жертвовать жизнью, он желает положить жизнь свою за друзей своих (Ин. 19:11). Он не покидает Гору Судьбы невредимым и оставляет в зубах у Голлума палец, то есть обретает стигму – внешний знак более глубинной жертвы. Здесь раскрывается его сходство с Береном, который теряет руку, добывая Сильмарилл (Silmarillion, p. 214); это подчеркивает Сэм, который заявляет, что история о Фродо Девятипалом сможет соперничать с историей о Берене Одноруком (III, 229). Хотя Фродо в Мордоре не гибнет, пережитое во время похода – в особенности рана, полученная на Пасмурнике – приводит к слишком раннему концу его жизни в Средиземье. Он занимает место, уступленное ему Арвен на корабле, и уплывает из Серой Гавани: «Я попытался спасти Заселье, и оно было спасено – но не для меня» (III, 309).

Слабость и неудача Фродо создают резкий контраст с миссией Иисуса несколькими способами (Milbank, pp. 99 – 102). В отличие от Иисуса, Которого христиане традиционно считают безгрешным, Фродо явно не лишен изъянов. Как и у всех, кто подпал под власть Кольца, у Фродо недостает силы окончательно избавиться от него. В расщелинах Горы Судьбы воля и решимость Фродо отступают под натиском жажды обладания Кольцом: он не может собственными силами сбросить греховную ношу. И тут, по плану толкиновского повествования, на помощь Фродо должны прийти его другие качества, роднящие его с Христом: жалость и

милосердие. Слова Гэндальфа по этому поводу (I, 68-69) настолько важны, что Фродо вспоминает их, столкнувшись с Голлумом на Эмин Муйл:

«Жаль, что Бильбо не убил эту мерзкую тварь. Ведь это было так просто!»

«Жаль, говоришь? Верно! Именно жалость удержала его руку. Жалость и милосердие. У Бильбо не было нужды убивать, и он сжалился».

«А мне не жаль Голлума. Совершенно не жаль. Он заслуживает зерти».

«Заслуживает смерти? Еще бы! Но смерти заслуживают многие – а живут, несмотря ни на что. Многие, наоборот, заслуживают жизни и умирают. Ты можешь их воскресить? Нет? Тогда не торопись выносить смертный приговор именем справедливости, когда на самом деле ратуешь только за собственную безопасность» (II, 221, курсив Толкина).

Слова Гэндальфа глубоко западают в душу Фродо, и, не ратуя за собственную безопасность, он жалеет Голлума – и снова жалеет его в присутствии Фарамира в Хеннет Аннуне (II, 295), и потом это делает уже Сэм на Горе Судьбы (III, 221 – 222). Таким образом, именно жалость в конце концов обеспечивает Голлуму ту смерть, которой он «заслуживает», но она же дает избавление и Фродо, и всему миру. Это признает и сам Фродо:

Если бы не Голлум, я ни за что не бросил бы Кольцо в Трещину, Сэм. Можешь представить, что получилось бы? Все наши труды пошли бы насмарку... Давай же простим ему! (III, 225) (28)

Милосердие – очень гуманная добродетель, свойственная характеру Фродо, но большинство христианских писателей также приписывают ее Богу, обладающему ею в совершенном равновесии со справедливостью (29).

Когда Кольцо уничтожено, Фродо также начинают оказывать некое подобие поклонения. Ужас испытания на Горе Судьбы кончается знаменитым восклицанием Сэма: «Хозяин!» (III, 225), но контекст подразумевает и отголосок слов усомнившегося апостола Фомы: «Господь мой и Бог мой!» (Ин. 20:28). В следующей главе у Толкина Фродо и Сэма, при их встрече с остальными членами Содружества Кольца, приветствуют хвалебными песнями (III, 231 – 232), напоминающими псалмы 146 – 150. И далее огромный орел приносит в Минас Тирит вести о спасении (III, 241), причем его слова напоминают гимн о Воскресении (Exsultet), исполняемый по римо-католической традиции в субботу накануне Пасхи (30).

Арагорн

Работа Гордона, возможно, наиболее убедительна там, где она подчеркивает, что Арагорн – это толкиновский персонаж, выражающий христологический аспект царства. Арагорн – не простой король. В начале книги у него нет ни трона, ни королевства – одно пророчество из глубины веков. Здесь многое схоже с пророчествами, сделанными об Иисусе. Арагорн – законный наследник престола и в северном королевстве Арнор, и в южной державе Гондор, хотя Арнор давно распался на несколько более мелких территорий, а Гондором правит наместник Денетор. Во времена Иисуса в Палестине было большое беспокойство в ожидании потомка царя Давида, чей род пресекся за много веков до этого, который должен восстановить царство Иудейское и изгнать римских интервентов. Сначала пал север этого царства (722 г.

д.н.э.), а затем юг – собственно Иудея (586 г. д.н.э.). Иисус – Тот, о Ком восклицают во время Его торжественного въезда в Иерусалим: «Осанна! [...] Благословенно грядущее во имя Господа царство отца нашего Давида!» (Мк. 11: 9 – 10). Его последователи продолжили эту тему в подробных генеалогиях, связывающих Его с домом иудейских царей-помазанников (Мф. 1:1 – 17; Лк. 3: 23 – 38). Царские черты Иисуса в основном скрыты: Он – странник, ходящий от одной деревни к другой. Когда эти черты проявляются, это бывает неожиданно или необычно – как, например, во время Преображения или Входа в Иерусалим (когда Иисус едет не на боевом коне, а на мирном ослике) (31). Арагорн – не пацифист, но он тоже бездомный скиталец (I, 261), ведущий себя загадочно (I, 176; II, 34). Его истинная личность скрыта, например, от Пиппина, несмотря на намеки в повествовании (III, 26). Авторитет Арагорна (как и Фродо) возрастает – либо в его собственных глазах (I, 409; II, 36), либо в глазах окружающих (I, 391; II, 145) – по мере того, как он сам движется навстречу своей судьбе. Этот процесс проявления подлинной сущности Арагорна одновременно и воспроизводит проявление сущности Иисуса в Писании (особенно в изложении Марка), и создает впечатление двойственности этой сущности – бледное отражение двух природ Христа:

- Так это правда, что Бродяга имеет какое-то отношение к древним Королям? поразился Фродо. Я думал, Королей уже давным-давно нет на свете. Я думал, он просто Следопыт!
 - Просто Следопыт! воскликнул Гэндальф [...] (I, 233)

Арагорн, подобно Иисусу, раскрывает свою истинную сущность, плывя в лодке и призывая своих спутников не бояться (I, 209; ср. Мк. 6:50 [И тотчас заговорил с ними и сказал им: ободритесь; это Я, не бойтесь]). Наконец, Арагорн вступает в свои права необычным образом и очень вовремя. У ворот Медусельда Хама, узнав о знаменитом мече Арагорна, говорит: «Поневоле подумаешь, что вы прибыли сюда на крыльях древней песни из давно минувших дней» (II, 115). Позднее защитники Минас Тирита видят, как в Харлонд входят умбарские корабли, а на переднем развевается стяг, какого никто не ожидал увидеть: Белое Древо Гондора, увенчанное Семью Звездами и высокой короной — гербом Элендила, который «много веков ни один правитель не осмеливался поднять» на своем знамени (III, 123). Потомок нуменорцев, король Арагорн появляется как «Ветхий днями» (III, 246) — эпитет Божественного Царя из Книги пророка Даниила (Дан. 7:9).

Арагорн напоминает Иисуса и во многом другом. У него особая миссия которую он должен выполнить ради мертвых. Описание пути по Тропе Мертвых из крепости Дунхарроу напоминает слова ап. Петра (1 Петр. 3:19), что Иисус «находящимся в темнице духам, сойдя, проповедал», и Сошествие Христа во ад [Harrowing of Hell]. Как обычно, совпадение здесь неполное; это не следование, а противоследование. Христос умирает, тогда как Арагорн бросает вызов судьбе Бальдора (III, 60 - 61). Христиане верят, что Христос во время воскресения всех мертвых воскресит праведников к вечной жизни; Арагорн же поднимает отряд клятвопреступников для временного задания. Так как Арагорн - король, от него ожидают и функций судьи. Будучи добрым государем, он старается поступать милосердно и справедливо (III, 247), а совершенные справедливость и милосердие для христиан заключены в Боге-Отце (Откр. 20:12) [И увидел я мертвых, малых и великих, стоящих пред Богом, и книги раскрыты были, и иная книга раскрыта, которая есть книга жизни; и судимы были мертвые по написанному в книгах, сообразно с делами своими] и Сыне (Ин. 5:22) [Ибо Отец и не судит никого, но весь суд отдал Сыну]. Однако, в отличие от Иисуса в представлении христиан, Арагорн может иногда принимать и явно неудачные решения, порицая себя за несчастье на Амон Хене (II, 16 – 17, 28). Гораздо более Арагорн напоминает Христа-целителя. Его искусство - не только обычная медицина (I, 210 - 211), но и целение души (III, 142). Эовин, понимая, что он излечивает ее разбитое сердце, называет его своим «целителем» (III, 142). Подобно Иисусу, Арагорн лечит и словом, и прикосновением (ср. Мк. 2:1 – 12 /...И пришли к Нему с расслабленным, которого несли четверо; и, не имея возможности приблизиться к Нему за многолюдством, раскрыли кровлю [дома], где Он находился, и, прокопав ее, спустили постель, на которой лежал расслабленный. Иисус, видя веру их, говорит расслабленному: чадо! прошаются тебе грехи твои... Но чтобы вы знали, что Сын Человеческий имеет власть на земле прощать грехи, – говорит расслабленному: тебе говорю: встань, возьми постель твою и иди в дом твой. Он тотчас встал и, взяв постель, вышел перед всеми...], 7:31 – 37 [...Привели к Нему глухого косноязычного и просили Его возложить на него руку. [Иисус], отведя его в сторону от народа, вложил персты Свои в уши ему и, плюнув, коснулся языка его; и, воззрев на небо, вздохнул и сказал ему: «еффафа», то есть: отверзись. И тотчас отверзся у него слух и разрешились узы его языка, и стал говорить чисто...]). При лечении Арагорн использует символические жесты: он берет Эовин за руку (III, 144). Так же и Иисус берет за руку больного (Мк. 1:29 – 31 /... Теша же Симонова лежала в горячке; и тотчас говорят Ему о ней. Подойдя, Он поднял ее, взяв ее за руку; и горячка тотчас оставила ее, и она стала служить им...], 5:41 [И, взяв девицу за руку, говорит ей: «талифа куми», что значит: девица, тебе говорю, встань]), поднимая его – жест, символизирующий воскресение в жизнь вечную.

Общность образов

Итак, и Гэндальф, и Фродо, и Арагорн, будучи самостоятельными персонажами, оказываются «щедро сдобренными» христологической образностью, хотя есть и такие отголоски этой образности, которые не относятся к каждому из героев в отдельности, а накладываются на нескольких сразу. Некоторые из них были разобраны ранее. Другие можно видеть у Арагорна и Гэндальфа – как, например, царственность, которая иногда заметна у Гэндальфа, так же, как и у Бродяжника (см. І, 312) (32). И Гэндальф, и Арагорн – целители, и оба одерживают победы, описываемые в терминах Воскресения (II, 146 – 148). У Гэндальфа и Фродо также есть общие христологические ассоциации: есть слабые намеки на то, что обоих искушает злая сила (I, 71, 417); оба приносят непомерную жертву; наконец, оба произносят загадочные вариации на тему слов Христа о «свершении» (II, 189, 231; см. Ин. 19:30 [Когда же Иисус вкусил уксуса, сказал: совершилось!]) «Воскресение» Гэндальфа очевидно, но переправа Фродо через реку Бруинен и уничтожение Черных Всадников напоминают переход Моисея через Красное море – важную христианскую метафору воскресения (33). Меньшее христологическое сходство можно найти между Арагорном и Фродо: слабое сходство может быть в том, что они оба изведали боль пронзенного сердца (І, 250; І, 284; ср. Ин. 19:31 – 37 Г...но один из воинов копьем пронзил Ему ребра, и тотчас истекла кровь и вода]) (34).

Христологическая составляющая образов Гэндальфа, Фродо и Арагорна относится к теологически важной области спасения. Именно спасение Средиземья объединяет их, и все они играют в нем свои роли. Во «Властелине Колец» есть и индивидуальные случаи «спасения», но оно же составляет магистральный сюжет романа. Сэм просит Фродо «спасти» его из вод Андуина (I, 422); Фродо обещает «спасти» Голлума, хотя это приносит ему вместо благодарности одни несчастья (II, 296 – 297, 299). После того, как Гэндальф и Древобород очистили Изенгард водой, над ним встает радуга – древний символ избавления от Божьего гнева (II, 177; см. Быт. 9:12 – 17 и далее [Я полагаю радугу Мою в облаке, чтоб она была знамением завета между Мною и между землею. И будет, когда Я наведу облако на землю, то явится радуга в облаке; и Я вспомню завет Мой, который между Мною и между вами и между всякою душею живою во всякой плоти; и не будет более вода потопом на истребление всякой плоти. И будет радуга в

облаке, и Я увижу ее, и вспомню завет вечный между Богом и между всякою душею живою во всякой плоти, которая на земле]). Арагорн и Гэндальф вместе завлекают Саурона в западню, используя самих себя в качестве приманки (III, 156, 158, 164, 167), что напоминает о важном понимании искупительной жертвы Христа у Отцов Церкви: Христос на кресте служит приманкой для дьявола — дьявол при виде смерти Христа думает, что победил, но не в силах помешать окончательной победе Христа над самой смертью (35). Совершая свой общий вклад в дело спасения, Гэндальф, Арагорн и Фродо наделяются не только одними и теми же чертами, напоминающими об Иисусе, но и реминисценциями важного патристического принципа, касающегося

Троицы. Отцы Церкви, убежденные, что Бог, Которого они знают как Единого в трех лицах, имеет единую волю и единый замысел, утверждали, что opera Trinitatis ad extra sunt indivisa (внешние деяния Троицы неразделимы). Это означало, что творение - дело не только Отца, спасение - не только Сына, а управление миром - не только Святого Духа, потому что иначе получилось бы троебожие. Скорее Отец, Сын и Св. Дух действовали совместно по отношению к созданному миропорядку. Св. Августин видел это, например, в творении – процессе, в котором участвовали все три лица Троицы (36). Так как в спасении участвуют все трое, все трое разделяют и радость после завершения миссии. Для таких счастливых развязок, которые обнаруживаются в волшебных сказках, Толкин придумывает особый термин: это случаи «эвкатастрофы», «поворота к лучшему» («О волшебных сказках», с. 153 – 156 и далее). Толкин находил наиболее глубокое выражение эвкатастрофы в Воскресении Христа (Northrup, p. 832), однако выражает ее также и в весьма различных триумфах и спасениях Фродо, Гэндальфа и Арагорна. Читатель чувствует это и в спасении Фродо у реки Бруинен и из пламени Роковой Горы, и в возвращении Гэндальфа в виде Белого всадника, и в том, как Арагорн ведет умбарские корабли в Харлонд. Весь процесс несения Кольца в Мордор требует мудрости Гэндальфа, силы Арагорна и стойкости Фродо, но существуют и более частные случаи, в которых мы обнаруживаем их выполняющими совместные действия символического значения. При коронации Арагорна, «к немалому удивлению собравшихся, корону Арагорн не надел» (III, 246). Корону берет Фродо и передает ее Гэндальфу, а тот возлагает ее на чело Арагорна. Все трое вместе потрудились для того, чтобы этот момент настал, и все трое принимают в нем участие. В этом едином действии виден отблеск единства царства, которое христиане отождествляют со всеми ипостасями Троицы (III, 246).

Стилистический интерес и подход Толкина к мифопоэйе подразумевает, что читателю не следует удивляться, если он найдет преломление христологических аллюзий и образов, помимо этих главных героев «Властелина Колец», во второстепенных персонажах легендариума. И Толкин, и его ранние читатели ассоциировали Галадриэль с Девой Марией (37); при этом она в чем-то напоминает и сына Марии. Она предрекает Гимли богатство не от мира сего (I, 393; см. Мф. 6:19 – 21 [Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут, но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут, ибо где сокровище ваше, там будет и сердце ваше]). Она приносит истинный свет и воду (III, 198) и дышит на воду (I, 377). «Да не смущается сердце ваше!» – говорит она Содружеству Кольца, когда оно собирается покинуть Лотлориен и отправиться в опасный путь (I, 372). «Да не смущается сердце ваше», – говорит Иисус ученикам, готовясь их покинуть перед распятием (Ин. 14:1). Даже в эпизодических персонажах – таких, как Пончик Булджер – можно найти отголоски Писания, так как Пончик был выдан при крике петуха (I, 188 – 189). Мистер Подсолнух платит тридцать серебряных

монет, чтобы хоббиты убрались из Бри (I, 191), а Бомбадил призывает хоббитов к воскресению, словно сухие кости в Книге пророка Иезекииля (Иез. 3 – 7) [И сказал мне: сын человеческий! оживут ли кости сии? Я сказал: Господи Боже! Ты знаешь это. И сказал мне: изреки пророчество на кости сии и скажи им: «кости сухие! слушайте слово Господне!» Так говорит Господь Бог костям сим: вот, Я введу дух в вас, и оживете. И обложу вас жилами, и выращу на вас плоть, и покрою вас кожею, и введу в вас дух, и оживете, и узнаете, что Я Господь. Я изрек пророчество, как повелено было мне; и когда я пророчествовал, произошел шум, и вот движение, и стали сближаться кости, кость с костью своею] или души, запертые под жертвенником, в Откр. 6 – 7 [И когда Он снял пятую печать, я увидел

под жертвенником души убиенных за слово Божие и за свидетельство, которое они имели (Откр. 6:9)]. Поддержка, даваемая присутствием Христа в Евхаристии, видна в лембасе и мируворе — еде и питье эльфов. Особенно это заметно в III, 213, где лембас характеризуется как питающий волю. Трепетное отношение Толкина к Евхаристии хорошо известно (см. напр. Letters, p. 338).

Христологические образы можно найти также и за пределами «Властелина Колец», в «Сильмариллионе». Берен - герой в высшей степени, его именем почтена могила самого Толкина. Это «человек, непохожий ни на кого из прочих смертных людей» (Silmarillion, р. 218). Он странствует вместе с Лутиэн, словно Адам с Евой, достигнув райского примирения и исцеления. Церковь связывала Христа с Адамом с первых своих дней (38). Могила Берена, подобно могилам Моисея и Илии, неизвестна (Silmarillion, p. 222). Однако, возможно, наиболее примечательный в данном контексте персонаж «Сильмариллиона» – Эарендил. В письме Килби Толкин приписывает происхождение всей своей мифологии из строки древнеанглийского поэта Кюневульфа Éala Éarendel engla beorhtast ofer middangeard monnum sended (Kilby, p. 57). Эарендель из поэмы Кюневульфа – это Христос «Сияние Зари», светлейший из ангелов, посланный к людям на землю (39). Поэма Кюневульфа далее описывает Иисуса как «Свет Солнца Праведности», истинный свет, превыше света сотворенных вещей (Kilby, p. 58). В «Сильмариллионе» Эарендил несет предвечный свет спасенного Сильмарилла в Валинор, а оттуда его корабль отплывает в небеса, где драгоценный камень становится живым истолкованием его древнеанглийского имени: «ярчайшая из всех звезд на тверди небес» (Silmarillion, р. 295 - 300). Эарендилу позволено сойти на берег Бессмертных Земель по исключительной причине, которая также имеет глубинные христологические аналогии. Он потомок и эльфов, и людей, и поэтому он один может выступать от имени двух родов - Старших и Младших Детей Илуватара. «Только тот, кто один будет говорить от лица и Эльфов, и Людей, и станет умолять о прощении их преступлений и о жалости к их бедам, сможет изменить решение Сил» (Silmarillion, р. 293). Хотя эльфы и люди – в толкиновском легендариуме тварные существа, тут ясно слышится отголосок соединения двух природ в личности Христа. Только Эарендил может просить о милосердии и помощи. Для сравнения, в конвенциональном понимании искупления, наиболее известная трактовка которого содержится в Cur Deus Homo [Почему Бог стал человеком (лат.)] Ансельма Кентерберийского, именно Богочеловек может принести искупительную жертву Богу за человеческую греховность. «Для этого он и родился на свет» (Silmarillion, р. 299), - говорит Ульмо об Эарендиле. «Я на то родился и на то пришел в мир», - кратко говорит Христос накануне казни (Ин. 18:37).

В Эарендиле как персонаже наиболее эксплицитно проявилась христологическая образность «Сильмариллиона»: сознательная адаптация кюневульфовского Эаренделя, света

الما

мира, «белого света», как его называют в «Мифопоэйе», чьи качества и поступки воображение Толкина отразило в сотнях живых форм Средиземья. Однако Толкин, вероятно, знал, что у Кюневульфа слово «Эарендель» связано как с христианством, так и с язычеством, и даже его христианские коннотации относятся к Христу не напрямую (Shippey, р. 257 – 258). Даже когда нам кажется, что мы вплотную подобрались к тому, кто выглядит как возможный полный аналог Христа в толкиновском легендариуме, прямая аллегория и здесь не свободна от противоследования.

Христологическая образность присутствует не во всех толкиновских персонажах. Довольно мало ее обнаруживается у Сэма, что кажется необычным, если учитывать его важную роль в повествовании. Тем не менее, его преданность Фродо, возможно, открывает глубинный смысл служения, напоминая об Иисусе, Который «не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить» (Мк. 10:45). У Леголаса также мало христологических коннотаций, хотя, что примечательно, он умеет ходить по воде (I, 305 – 306; ср. Мк. 6:47 – 52 [Вечером лодка была посреди моря, а Он один на земле. И увидел их бедствующих в плавании, потому что ветер им был противный; около же четвертой стражи ночи подошел к ним, идя по морю, и хотел миновать их. Они, увидев Его идущего по морю, подумали, что это призрак, и вскричали. Ибо все видели Его и испугались. И тотчас заговорил с ними и сказал им: ободритесь; это Я, не бойтесь. И вошел к ним в лодку, и ветер утих...]). У Гимли заметных христологических аллюзий не обнаруживается.

«И в отраженьи Истины...»

Можно заключить, что доказательств, собранных здесь, достаточно, чтобы подтвердить заявление Толкина о том, что он не писал аллегорически, но они также показывают, что толкиновская мифопоэйя наполнена образами Христа. По мере того как раскрываются процессы, стоящие за этим наполнением (Бог способствует мифу – миф способствует языку – язык способствует повествованию), читатели Толкина могут и сами, в свою очередь, открыть, как вера их любимого автора преломляется в мириадах радужных отсветов. Для Толкина, как и для Иоанна Евангелиста, «в начале было Слово». Слово, для обоих писателей, воплощает Истину и создает ядро единого истинного мифа. Это сущность, преломляющаяся в мифах и языках, «дарующая свободу творить, рассказывать множество историй, с убеждением, что реальная история — это все-таки творение в пределах неоднородного бытия Божия» (40). Это основа толкиновской христологической образности.

Еν αρχη ην ο Λόγος (Ин. 1:1) [В начале было Слово (греч.)]; «потому что это – величайшая из всех сказок, и она – правдива» ('Fairy-Stories', р. 156).

Примечания

- (25) Richard Purtill, *J.R.R. Tolkien: Myth, Morality, and Religion* (San Fransisco, Harper& Row, 1984), pp. 56 57. См. тж. Stratford Caldecott, *Secret Fire: The Spiritual Vision of J.R.R. Tolkien* (London: Darton, Longman&Todd, 2003) *[Рус. перевод:* С. Колдекотт, Тайное пламя: Духовные взгляды Дж.Р.Р. Толкина. Изд. ББИ, 2008*]*
- (26) Сравнение Голлума с «ползучей тварью» можно сопоставить с дьяволом в облике змея-искусителя в Эдемском саду.
- (27) Henry Milman, 'Ride on, ride on in majesty!' [Гряди, гряди в величии] (Hymn 511), *The New English Hymnal: Full Music Edition Including New Appendix* (Norwich: The Canterbury Press Norwich, 1994), p. 1101.
 - (28) См. тж. Letters, р. 234 [черновик письма к М. Стрейту (№ 181)], где Толкин подробно

развивает свой мотив жалости.

- (29) См. напр. *The Medieval Theologians*, ed. by G.R. Evans (Oxford: Blackwell, 2001), pp. 13, 97, 251, 257.
- (30) См. Exsultet в The English Missal for Laity, 2nd edn (London: W. Knott & Son, 1949), pp. 260-262.
- (31) Ср. «Се Царь твой грядет к тебе, ... кроткий, сидящий на ослице и на молодом осле [...], и Он возвестит мир народам» (Захария 9:9 10).
- (32) Отметим также, однако, противоследование в III, 30 и III, 129, четко указывающее на то, что Гэндальф не король.
- (33) Здесь наблюдается и дальнейшее совпадение: использование энтами воды, которой они очищают Изенгард от зла Сарумана. Ср. тж. коннотации обряда крещения в связи с репликой Тома Бомбадила после спасения хоббитов из Курганов: «Из глубоких вод вы всплыли» (I, 155) (William Dowie, 'The Gospel of Middle-Earth according to J.R.R. Tolkien'//J.R.R. Tolkien, Scholar and Storyteller, ed. by Mary Salu and Robert Farrell (Ithaca: Cornell University Press, 1979), p. 272)
- (34) Raymond E. Brown, *The Death of the Messiah*, 2 vols. (New York: Doubleday, 1998), II, pp. 1088 1092.
- (35) Gustav Aulen, *Christus Victor* (London: SPCK, 1940), в ос. pp. 63 71 и 119 120; см. тж. Milbank, p. 105 и далее.
- (36) Augustine, *On the Trinity [Августин, O Tpouце]// Nicene and Post-Nicene fathers*, ed. by Philip Schaff, 14 vols. (Peabody, MA: Hendrickson, 1994), III, 1.6.12.
 - (37) Letters, p. 171 и далее; Birzer, p. 64
- (38) См. напр. Лк. 23:43, 1 Кор. 15: 22 [Как в Адаме все умирают, так во Христе все оживут] и Irenaeus, Against Heresies [Ириней Лионский, Против ересей]// Ante-Nicene Fathers, ed. by A. Roberts and J. Donaldson, 10 vols. (Peabody, MA: Hendrickson, 1994), I, pp. 309 597 (p. 454).
- (39). Сам Кюневульф совершает натяжку, соединяя Эаренделя с Христом. Его поэма, которая сейчас называется «Христос I», имела источником вдохновения *О Oriens [букв. «О Восходящее солнце» или «О Рассвет» (лат.); в английской традиции часто переводится как Morning Star Утренняя Звезда]*, один из литургических антифонов, используемых Церковью во время Рождественского поста. Однако этот антифон посвящен не Христу, а Иоанну Крестителю (Тот Shippey, *J.R.R. Tolkien: Author of the Century* (London: HarperCollins, 2001), р. 257). Примечательно, что Шиппи переводит данную строчку из «Христа I» как «О Эарендель, светлейший из ангелов, посланный людям *над Средиземьем*» (Shippey, р. 257, курсив наш).
- (40) Walter F. Hartt, 'Godly Influences: The Theology of J.R.R. Tolkien and C.S. Lewis', *Studies in the Literary Imagination*, 14.2 (1981), p. 21 29 (p. 28).

Представления о внешности айнур, бытующие на РИ и в фэндоме

Ролевые игры по толкиновским мотивам чаще всего воспроизводят насыщенные событиями сюжеты, разворачивающиеся в Среднеземье. Набор персонажей включает очень мало айнур: обычно это истари, Том Бомбадил и Саурон, – либо Мелиан, Моргот, Саурон, балроги и различные монстры (а также квази-животные вроде Орлов Манвэ). Как следствие, проблема визуализации воплощённых айнур оказывается малоизученной.

В отношении истари мы твёрдо знаем: они внешне совершенно не отличались от людей [1,2] (хотя у Гэндальфа Белого бывали моменты «преображения» [3, 4], когда он вдруг казался выше или источал белое сияние). Естественно ожидать, что Мелиан — супруга Тингола и мать Лютиен — также в историческом времени Белерианда весьма походила на эльфов. Более-менее ясно, как могли выглядеть ползучие и крылатые драконы, гигантские пауки, ангбандские волки (потомство Драуглуина), балроги, Орлы, Хуан.

Иное дело — вид Моргота, Саурона и других умайар, телом функционально больше сходных с эльфами и людьми, чем с четвероногими. Их обычно стараются изобразить как чёрные фигуры, двуногие и двурукие, но чуждые и ужасающие. Это отвечает туманным указаниям текстов, но делается без оглядки на присущие всем айнур особенности внешности. Облик Тома Бомбадила (и Златовики!) также не вполне ясен, но воссоздаётся «по образцу» истари: как человеческий. Тот же подход, как правило, применяется для отыгрыша Саурона во Вторую Эпоху, до гибели Нуменора. Как мы увидим далее, первоисточник не даёт для этого оснований.

В результате, когда возникает необходимость введения ролей иных айнур — Эонвэ и других майар на Войне Гнева, обитателей Валинора или Алмарена, Оромэ у Куивиэнен и т.д., — обнаруживается, что сложившейся концепции их представления нет. А практика распадается на две части: традиция «злые чёрные айнур» и традиция «истари/Мелиан». Именно эту последнюю распространяют на всех непадших айнур, кроме явно зооморфных.

Попробуем разобраться, насколько это оправдано описаниями айнур в текстах.

Описания внешности айнур в текстах

Важнейшей особенностью внешности айнур является их способность эту внешность менять [5]. Хорошо известен пример Саурона, четырежды менявшего облик при встрече с Хуаном [6]. Есть указания на многочисленность форм воплощения Мелькора в эпоху Утумно [7], на появление Яванны в разных обличьях в Амане (особенно отмечается форма дерева, в которой её иногда видели уже в эпоху Солнца). Кроме того, айнур способны отказываться от

телесного обличья вовсе [8] и существовать без воплощения, не нуждаясь в нём, не испытывая ущерба и утраты своего естества [9]. В таких случаях «даже эльфы не могут ясно ощущать их [присутствие]»; и не только эльфы — Мелькор после неудачного визита в Форменос сумел избежать погони, организованной Оромэ и Тулкасом, и тайно прокрался на юг Амана мимо удвоенной айнурской стражи; ему это удалось, потому что он сбросил оболочку [10].

Эльфы даже называли оболочки айнур иным словом, нежели «настоящие» тела Эрухини: не *hroar* (слово, которое в «Преображённых мифах» служит также для обозначения «материи Арды»), a *fanar* [11] (слово со смыслом «вуаль», «покров», «завеса», часто обозначавшее просто «облако» [12]). Тем не менее, в текстах «Сильмариллиона» имеются многочисленные указания на пребывание Валар в воплощённом облике, в том числе задолго до появления Детей Единого в Арде. Первое обретение *fanar* происходит после того, как Мелькор впервые покинул Арду – ещё до Весны Арды и даже до явления Тулкаса [9].

С самого начала Валар, пришедшие в мир из любви к Детям Единого и в надежде на их явление, стараются перенять облик, функционально подобный телам Эрухини ("after the manner" – «устроенный тем же способом» (1)), как они узрели в Видении. Когда Мелькор, вдохновившись их примером, тоже построил себе fana, оно отличалось «мощью и величием большими, чем у кого-либо ещё из Валар» [13]. При этом его голова находилась над облаками, т.е. рост Мелькора без учёта головы составлял в тогдашнем воплощении никак не меньше 2 км (возможно, больше – речь явно не о слоистых облаках, которые могут стоять на высоте 90-400 м, т.к. в контексте упоминания облаков fana Мелькора сравнивается с горой). Насколько значительным было преимущество в росте перед другими Валар – неизвестно; вероятно, их размеры всё же оставались сопоставимы:

на этой стадии тела Валар делали их «зримыми Силами/Стихиями». Данные fanar сознательно созданы Валар подобными телам Эрухини — они так же устроены; для того периода наиболее подробно описан облик Мелькора: его fana обладает головой, глазами, причём голова поставлена выше всего остального тела — из чего можно заключить, что в данном воплощении Мелькор был прямоходящим. Таким образом, эти обличья айнур являются в первом приближении гуманоилными.

В дальнейшем, в наблюдениях эльдар, мы увидим fanar не столь грандиозные, в т.ч. у Мелькора/Моргота как Властелина Ангбанда. В Амане Валар общаются с эльфами, вместе участвуют в пирах, едят и пьют, собирают «плоды земли». Они «облачены, будто в одежду, в формы Детей Илуватара» [14]. Именно эти слова чаще прочих воспринимаются как подтверждающие полную антропоморфность валинорских айнур в исторический период (2) Это ошибка! Разберёмся, что сообщают предания Древних Дней, в первую очередь эльфийские, о внешности Валар в то время.

Прежде всего, хотя, как сказано выше, айнур могут менять тела, они носили в Валиноре некие предпочитаемые, условно-постоянные облики, которые эльфы смогли поэтому описать [15]. Далее, айнур на вид относительно сходны с эльфами и людьми – так, что их внешность можно описывать в тех же терминах без специальных пояснений: Яванна может выглядеть как «высокая женщина» [16], для Манвэ, Яванны и Улмо упомянута одежда (вероятно, одежду носят и все другие Валар), у многих упоминаются глаза и лица, у Тулкаса – руки, волосы, борода, Нэсса названа «легконогой», Манвэ пользуется троном и скипетром. При этом «огонь глаз Манвэ – синий» [17], «очи Ариэн были слишком ярки, чтобы даже эльфы могли в них смотреть» [18], и хотя глаза эльдар светились [19] (как известно из «Квенди и эльдар», это не просто поэтическое выражение [20]), из описания Финголфина, мчащегося на битву с Морготом,

можно заключить, что у Валар (как класса) глаза сияли много ярче эльфийских [21]; по всей видимости, у Валар и майар светятся также и лица – в лице Варды «по-прежнему живёт свет Илуватара» [22], в лице Оромэ – «свет Амана» [23], и в лице Мелиан также [24].

Неоднократно подчёркивается мощь Валар в их телесных действиях. Так, мызнаем, что Тулкас любит борьбу и соревнования в силе, бегает (воплощённым) быстрее любого существа, перемещающегося с помощью ног, а сражается руками [25]. Немаловажно, что при взятии Утумно он боролся с Мелькором один на один и победил его [26], а Мелькор, надо сказать, находился в том же облике, который позже вновь принял перед нападением на Деревья Света и Форменос, и в котором носил Железную Корону в Ангбанде [27]. «Оромэ, возможно, слабее Тулкаса, но страшнее в гневе» [28]. Появившийся у Куивиэнен, он назван «Великим Всадником» [23]. Первая встреча с ним привела многих эльфов в ужас [29] из-за страха перед тенями, злыми духами и чудовищами — слугами Мелькора; остались лишь храбрые. Они увидели, что Оромэ — не тварь из тьмы, но это актера, а не мощи. «Потянулись к нему» лишь самые доблестные — надо полагать, пример по полагать страма.

касается характера, а не мощи. «Потянулись к нему» лишь самые доблестные — надо полагать, физическая способность Оромэ причинять физический вред была очевидна эльфам и воспринималась как огромная. Для размышлений о геометрических размерах Оромэ и его коня Нахара полезно припомнить, что Нахар, по-видимому, был способен нести помимо Валы троих эльфов. Звучание рога Оромэ сравнивается с молнией, разрывающей тучи, и заливающим небо пурпуром восходящего Солнца [30]. Если говорить о звуках, то «трубы Манвэ громки, но голос Улмо глубок, как глубины океанов» [31]. Надо думать, трубы Манвэ громче; а насколько громко может протрубить Улмо в рог?

Здесь нам пригодится единственное подробное описание внешности Улмо (и вообще кого-либо из четырнадцати Валар) в «Явлении Туора в Гондолин» (UT). Оно вполне согласуется с краткой картиной «Валаквенты», но изложено другими словами: тем самым, перед нами два независимых рассказа об одном и том же объекте (что делает их взаимно подтверждающееся свидетельство надёжным - его нельзя списать на дикарские предания людей или заимствования). Вчитаемся [32]. С одной стороны, Улмо предстаёт очевидным гуманоидом. С другой... не похоже, чтобы он скрупулёзно копировал внешний облик Эрухини. Сходство наблюдается на уровне «прямохождение, неполное оволосение, две руки, две ноги, одна голова – с лицом, а не мордой». Насколько можно понять, волосы Улмо – светлее лица; сложно сказать, какие ещё есть отличия от обычной внешности Эрухини. Далее. Голос Владыки Вод действительно столь глубок, а звук его рога столь громок, что они оказываются на пределе или за пределом человеческого восприятия; а трубы Манвэ, стало быть, ещё громче... Кроме того, Улмо величественен, обладает огромным ростом, буквально источает мощь подвластной ему стихии; впоследствии двое - человек и эльф, закутавшись в обрывок его плаща, остаются незамеченными для глаз орков [33]; сияние глаз Улмо впечатляет Туора наравне с глубиной его голоса. Важно также, какие эпитеты применяются к облику Улмо: он сравнивается с серебряной башней, его плащ – с тучей. Так же описаны в «Сильмариллионе» атрибуты Моргота во время поединка с Финголфином: властелин Ангбанда предстал перед королём нолдор «как башня», а щит Врага «накрыл его тенью, будто грозовая туча» [34]. По всей видимости, порядок величин, характеризующих мощь Моргота и Улмо в их телесных обличьях, одинаков. А Моргот, напомню, сражался с Финголфином в том же воплошении, в

котором некогда боролся с Тулкасом в подземельях Утумно.

Круг сравнений замкнулся. Мы видим, что описанные в «Валаквенте» и сопутствующих текстах типичные, характерные fanar Тулкаса, Оромэ, Манвэ, Улмо и Моргота, известные эльфам, отличаются грандиозной мощью — она выражается в росте («башни»), громкости, с которой Валар трубят в рога, физической силе. Нет причин полагать, будто у кого-то персонажей наблюдается лишь часть признаков — скорее, все вместе, набором: как у Моргота, который и орёт очень громко (вспомним также эпизод сражения с Унголиант!), и ступает так тяжело, будто под землёй гремит гром, и чрезвычайно велик ростом (Финголфин сравнивается со звездой или с молнией на краю тучи, а после гибели короля Моргот поднимает и ломает в руках его тело [35]). Также нет причин считать, будто обыкновенный облик других Валар и Валиэр в этом отношении отличался — иначе «Валаквента» не могла бы обойти такое значительное, зримое различие стороной.

Такое сопоставление Моргота и непадших Валар может вызвать нарекания – в силу привычного разделения айнур на «светлых» и «чудовищ». Однако «светлые» не обязательно отличаются от чудовищ во всём. Далее будет показано, что в мышлении и образе действий айнур есть инварианты, не зависящие от их разделения по этическим вопросам. Более того, облик Властелина Утумно/Ангбанда был сконструирован Мелькором, на его особый манер, с теми же установками, с какими другие Валар облекались в свои гуманоидные fanar: целью было общение с Эрухини. Мы знаем из «Преображённых мифов» [36], что Враг, как и его собратья, страстно ожидал явлений Детей Единого и готовился общаться с ними; обманывая себя, он даже думал, будто заботится об их благе. Между тем, хотя его ангбандский облик ужасен, ему невозможно отказать ни в гуманоидности, ни в пригодности для коммуникации с эльфами и людьми: его отличия от «одеяний» валинорских айнур – не в структуре.

Вероятно, рост Моргота и в эту эпоху превышает рост его собратьев; но, тем не менее, он служит хорошим ориентиром, задавая порядок величин. Попробуем оценить его. Известно, что почти сразу после поединка с Финголфином Врага атаковал Торондор и расцарапал ему лицо [37]. Не разбил череп клювом, не разорвал тело пополам и даже не оторвал голову от плеч. Король Орлов – самая крупная среди птиц Арды; размах его крыльев сообщается точно – 30 фатомов [38], это 54,9 м. Построив пропорцию через соотношение с максимальным известным размахом орлиных крыльев на Земле (2,4 м) и «гигантский» в общепринятой рубрикации рост здорового мужчины (от 2 м и выше, возьмём 2 м), получим рост Моргота в 45-46 м. Если увеличивать «реальный» мужской рост (максимальный достоверно известный – у Роберта П. Уодлоу, 2,72 м) или уменьшать «реальный» размах крыльев, используемые для сравнения, оценочный рост Врага только возрастёт. Если взять для вычислений средний рост мужчины, 1,75 м (что противоречит духу текстов в сравнительных описаниях внешности Моргота и других Валар), оценка роста Моргота всё равно составит 40 м.

И, как показано выше, он не один такой. Моргот, конечно, урод, но это выражается не в габаритах: Тулкас, одолевший его в единоборстве голыми руками, Оромэ, ещё более страшный в гневе, Улмо, точно так же уподобляемый «башне», Манвэ, чьи трубы звучат ещё громче... даже если все они и ниже ростом, то ненамного.

Это, конечно, не километровые fanar эпохи до Весны Арды, но всё равно разительно отличается от расхожих представлений о внешности, близко копирующей или повторяющей hroar эльфов и людей. Насколько такой образ естественен в контексте Легендариума?

Обыденное и непривычное в Арде и Амане

К среднеземским, и особенно валинорским, реалиям, не всегда следует подходить с нашими критериями разумности, естественности или привычности. Среднеземье полнится волшебством. И во всей Арде Толкина много чудесного: тёмные кристаллы с огнём внутри, поглядев в которые, можно за тысячи миль общаться мысленной речью или видеть происходящие события; белые деревья с золотыми листьями; звезда, после восхода которой бури уже не топили корабли, идущие на Запад; живые эльфы... Есть среди удивительного и недоброе: вулкан, засыпающий и просыпающийся по слову демона; Кольца, порабощающие волю и душу владельцев; призраки, наводящие на живущих ужас; гигантские пауки, поедающие людей как мух...

Эти чудеса не все собраны в какой-нибудь специальный зоопарк, открытый для посещений по пятницам, субботам и воскресеньям: они рассыпаны по миру. Бывает достаточно выйти за порог, чтобы прямо в родном Шире повстречать эльфов, идущих в Серые Гавани. Иной раз — прошагать несколько дней, чтобы столкнуться с умертвием в древнем кургане... Да, с умертвием, способным петь злые заклинания, светиться бледно-зелёным и шевелить длинными руками.

Иной раз в Среднеземье можно каждодневно сталкиваться с чудом, а считать его едва ли не за сорную траву: так было с Иорет и ателасом. Толкин описал мир, полный загадок и тайн, волнующий и неизвестный. Мир древний, не разложенный по полочкам, но скрывающий неведомое за любым случайным поворотом тропы. Там эльфы и люди ещё не возвысились надо всеми на недосягаемую высоту — и говорят с миром на равных. «Конечно, всё это начали эльфы — пробуждая деревья, и обучая их говорить, и узнавая собственную речь леса. Они всегда желали говорить со всем вокруг: таковы были эльфы в старину». А кто произносит эти слова? Огромный пастух деревьев, сам подобный дереву, с руками-сучьями, живущий многие и многие тысячи лет, способный пить воду корнями и ходить на далёкие расстояния, слушать лес — и говорить со смертными, имеющий силу в считанные минуты разрушить каменную кладку, как разрушают её веками вода и зелёные побеги...

Но при этом чудеса не очень-то навязываются обитателям мира. Они достаточно редки или привычны, чтобы их можно было не замечать: поэтому среди героев есть скептики, как эсгаротцы, не верящие бабушкиным сказкам о драконе, или Тэд Сендимен. Иногда, впрочем, к ограде какого-нибудь Бри выходят жуткие чудовища, обычно таящиеся в пустошах, и это заставляет отдельных персонажей пересмотреть картину мира.

Так обстоят дела в Среднеземье. То ли дело Валинор! Чудесное к востоку от Моря — обыденность к западу. Там собраны и продолжают жить древние звери, каких уже не увидишь в землях смертных... там не увядают цветы, и деревья не сбрасывают листья... оттуда принесены через Море многие из величайших и неповторимых сокровищ: таких, как Сильмарилли и Палантири.

О самом Валиноре сказано мало. Мы не смотрим на него «с близкого расстояния», как на земли, через которые идут хоббиты. Мы знаем лишь, что много там вещей невиданных; и знаем, какова периферия валинорского волшебства. Мы всё же наблюдаем самый край влияния тех, кто живёт за Морем — и видим орла с 55-метровым размахом крыльев, и пса, столь огромного и сильного, что на нём можно скакать верхом, и диковинных Пастырей Деревьев с семью пальцами на ногах, почти без шеи и более 4 метров ростом...

Нелепо ожидать от Амана и его обитателей, чтобы он отвечал нашим критериям домашнего уюта, нашим шаблонам привычного. Если мы взглянем в тексты, то увидим, что в Амане всё большое, даже горы – как хребет Пелори, самый высокий в Арде [39].У нас есть пример Орлов Манвэ, способных летать с такой ношей, как эльфы, люди, гномы. Есть Хуан, который нёс Лютиэн верхом. Энты – гуманоиды, конечно (строением они подобны людям, а вовсе не ожившим деревьям), но огромные и диковинные [40]. А Белое Дерево из баллады «Имрам»? Это, по-видимому, Дерево Тол Эрессеа – Келеборн, сеянец Галатилиона, который сам был уменьшенной копией Тельпериона [41].Существуют две версии баллады, и в обеих Дерево описано как гигантское – неизвестной, запредельной высоты [42].Деревья Света были ещё выше; можно задуматься о габаритах айнур, собиравших росу Тельпериона.

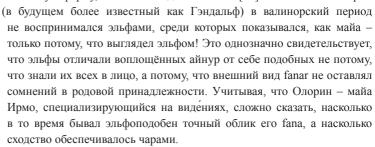
Судя по одной из авторских правок в рассказе о Войне Гнева, валинорские формы айнур могли выглядеть в Среднеземье очень непривычно и устрашающе [43].

Общее представление о реалиях Амана проще почерпнуть из «Книги утраченных сказаний», где дистанция от рассказчика до айнур всё же короче. Там как о чём-то само собой разумеющемся говорится, что эльфы казались Валар восхитительно маленькими и изящными [44].

Если столь ранние тексты вызывают недоверие, можно обратиться и к материалам, написанным уже после «Властелина Колец». Текст «Истари» (UT), написанный, по оценке

Кристофера Толкина, в 1954 году, проводит чёткое различие между внешностью истари и тем обликом, в котором Валар общались с эльфами в Первую Эпоху [45]. Истари пришли в оболочках «слабых и скромных», «не являли открыто свою силу», им было «запрещено являться в величественных формах», и всё это были инновации, предназначенные для «исправления ошибок прошлого», когда Валар «пытались защитить и изолировать эльфов, являя перед ними всю полноту своих мощи и славы». Как видим, истари оказываются скорее анти-образцом в деле реконструкции облика валинорских айнур.

Тот факт, что «эльфийская» внешность была для них совершенно нехарактерна, можно установить и прямо из «Сильмариллиона». Так, с одной стороны, мы знаем, что в Валиноре, в отличие от Среднеземья, майар нередко показывались в зримом обличье [46]. С другой стороны, «об Олорине эти истории не рассказывают... поскольку среди эльфов он ходил невидимым, или принимая такую форму, что казался одним из них» [47]. То есть майа Олорин

Другим хорошим примером «обычного» для айнур (и это уже в конце Третьей Эпохи!) служит внешность Тома Бомбадила. При первой встрече хоббиты приняли его за человека, но сразу же усомнились: «в поле зрения появился человек, или таким он мнился» [48]. О чём это говорит? Хоббиты ничего не знают о майар! Большинство из них видели гуманоидов только в двух видах: таких же хоббитов и людей.

Некоторые чуточку общались ещё с гномами и эльфами. Поэтому любое гуманоидное существо в одежде они поначалу постараются отнести к одному из этих классов! И отнесли: кем ещё быть Бомбадилу, если не человеком? Однако «особенности» его *fana*, по-видимому, достаточно велики, чтобы хоббиты совсем не были уверены, вправду ли перед ними человек – и усомнились сразу же, с первого взгляда.

(продолжение следует)

Примечания

- (1) Оригинальное "after the manner" означает обычно «по способу», «тем же способом». Можно было бы трактовать его в данном случае как относящееся к самому факту воплощения Валар облеклись в тела подобно тому, как Воплощёнными, а не просто духами, являются Эрухини. Однако оговорка «кроме как величием и блеском» заставляет предположить всё же, что рассказчик подразумевает некое сходство: следовательно, «способ» относится не только к наличию воплощения, но и к форме.
- (2) Хотя здесь в качестве особого достижения подаётся способность есть и пить что, если верить Пенголоду и «Осанвэ-кенте», Валар делали исключительно редко [84].

Питаты из источников

[1] The Lord of the Rings, Appendix B, "The tale of Years"

They [Istari] came therefore in the shape of Men, though they were never young and aged only slowly.

[2] *The Silmarillion* (published by Christopher Tolkien), **Of the Rings of Power and the Third Age**

In the likeness of Men they [Istari] appeared, old but vigorous, and they changed little with the years, and aged but slowly, though great cares lay on them.

[3] The Lord of the Rings, Book III, ch. 5

The old man [Gandalf] was too quick for him. He sprang to his feet and leaped to the top of a large rock. There he stood, grown suddenly tall, towering above them. His hood and his grey rags were flung away. His white garments shone.

[4] The Lord of the Rings, Book V, ch. 4

...Pippin got up and peered out. At that moment he caught a flash of white and silver coming from the North, like a small star down on the dusky fields. It moved with the speed of an arrow and grew as it came, converging swiftly with the flight of the four men towards the Gate. It seemed to Pippin that a pale light was spread about it and the heavy shadows gave way before it; and then as it drew near he thought that he heard, like an echo in the walls, a great voice calling.

[5] *The Silmarillion* (published by Christopher Tolkien), Ainulindalë

But the shapes wherein the Great Ones array themselves are not at all times like to the shapes of the kings and queens of the Children of Ilúvatar; for at times they may clothe themselves in their own thought, made visible in forms of majesty and dread.

[6] The Silmarillion (published by Christopher Tolkien), Quenta Silmarillion, ch. 19

Therefore he [Sauron] took upon himself the form of a werewolf, and made himself the mightiest that had yet walked the world; and he came forth to win the passage of the bridge. <...> But no wizardry nor spell, neither fang nor venom, nor devil's art, nor beast-strength, could overthrow Huan of Valinor and he took his foe by the throat and pinned him down. Then Sauron shifted shape, from wolf to serpent, and from monster to his own accustomed form but he could not elude the grip

of Huan without forsaking his body utterly. <...>Then Sauron yielded himself, and Lúthien took the mastery of the isle and all that was there; and Huan released him. And immediately he took the form of a vampire, great as a dark cloud across the moon, and he fled, dripping blood from his throat upon the trees, and came to Tar-nu-Fuin, and dwelt there, filling it with horror.

[7] *The Silmarillion* (published by Christopher Tolkien), **Quenta Silmarillion**, ch. 1

And in the darkness Melkor dwelt, and still often walked abroad, <u>in many shapes</u> of power and fear, and he wielded cold and fire, from the tops of the mountains to the deep furnaces that are beneath them; and whatsoever was cruel or violent or deadly in those days is laid to his charge.

[8] The Silmarillion (published by Christopher Tolkien), Ainulindalë

Therefore the Valar may walk, if they will, unclad, and then even the Eldar cannot clearly perceive them, though they be present.

[9] The Silmarillion (published by Christopher Tolkien), Ainulindalë

Now the Valar took to themselves shape and hue; and because they were drawn into the World by love of the Children of Ilúvatar, for whom they hoped, they took shape after that manner which they had beheld in the Vision of Ilúvatar, save only in majesty and splendour. Moreover their shape comes of their knowledge of the visible World, rather than of the World itself; and they need it not, save only as we use raiment, and yet we may be naked and suffer no loss of our being.

[10] The Silmarillion (published by Christopher Tolkien), Quenta Silmarillion, ch. 8

For he [Melkor] was yet as one of the Valar, and could change his form, or walk unclad, as could his brethren; though that power he was soon to lose for ever.

[11] The Road Goes Ever On, "Notes and Translations", "A Elbereth Gilthoniel"

In Quenya, however, the simple word *fana* acquired a special sense. Owing to the close association of the High-Elves with the *Valar*, it was applied to the "veils" or "raiment" in which the Valar presented themselves to physical eyes. These were the bodies in which they were self-incarnated.

[12] The Road Goes Ever On, "Notes and Translations", "A Elbereth Gilthoniel"

Fana- is an Elvish element, with primary meaning "veil". The S. form fân, fan- was usually applied to clouds, floating as veils over the blue sky or the sun or moon, or resting on hills. <...> In Sindarin, especially as used by the High-Elves, the originally identical word fân (fan-), "cloud," was also given the same sense [the radiant and majestic figure of one of the great Valar].

[13] *The Silmarillion* (published by Christopher Tolkien), Ainulindalë

Then Melkor saw what was done, and that the Valar walked on Earth <u>as powers visible</u>, clad in the raiment of the World, and were lovely and glorious to see, and blissful <...> His envy grew then the greater within him; and he also took visible form, but because of his mood and the malice that burned in him that form was dark and terrible. And he descended upon Arda in power and majesty greater than any other of the Valar, as a mountain that wades in the sea and has its head above the clouds and is clad in ice and crowned with smoke and fire; and the light of the eyes of Melkor was like a flame that withers with heat and pierces with a deadly cold.

[14] The Silmarillion (published by Christopher Tolkien), Quenta Silmarillion, ch. 8

And even as it was then the delight of the Valar (as is told in the *Ainulindalë*) to clothe themselves as in a vesture in the forms of the Children of Ilúvatar, so also did they eat and drink, and gather the fruits of Yavanna from the Earth, which under Eru they had made.

[15] The Silmarillion (published by Christopher Tolkien), Valaquenta

These are the names of the Valar and the Valier, and here is told in brief their likenesses, such as the Eldar beheld them in Aman.

[16] The Silmarillion (published by Christopher Tolkien), Valaquenta

لين

In the form of a woman she [Yavanna] is tall, and robed in green; but at times she takes other shapes. Some there are who have seen her standing like a tree under heaven, crowned with the Sun; and from all its branches there spilled a golden dew upon the barren earth, and it grew green with corn; but the roots of the tree were in the waters of Ulmo, and the winds of Manwë spoke in its leaves. Kementári, Queen of the Earth, she is surnamed in the Eldarin tongue.

[17] The Silmarillion (published by Christopher Tolkien), Quenta Silmarillion, ch. 11

His [Manwë's] raiment is blue, and blue is the fire of his eyes, and his sceptre is of sapphire, which the Noldor wrought for him.

[18] The Silmarillion (published by Christopher Tolkien), Quenta Silmarillion, ch. 11

Too bright were the eyes of Arien for even the Eldar to look on, and leaving Valinor she forsook the form and raiment which like the Valar she had worn there, and she was as a naked flame, terrible in the fullness of her splendour.

[19] The Silmarillion (published by Christopher Tolkien), Quenta Silmarillion, ch. 17

For beside the old who deemed that their wandering days were over there were not a few who desired to go their own ways, and they [Men] feared the Eldar and the light of their eyes.

[20] HoME-XI, Quendi and Eldar

In general the Sindar appear to have very closely resembled the Exiles, being dark-haired, strong and tall, but lithe. Indeed they could hardly be told apart except by their eyes; for the eyes of all the Elves that had dwelt in Aman impressed those of Middle-earth by their piercing brightness. For which reason the Sindar often called them Lachend, pl. Lechind "flame-eyed".

[21] *The Silmarillion* (published by Christopher Tolkien), **Quenta Silmarillion**, ch. 18

He [Fingolfin] passed over Dor-nu-Fauglith like a wind amid the dust, and all that beheld his onset fled in amaze, thinking that Oromë himself was come: for a great madness of rage was upon him, so that his eyes shone like the eyes of the Valar.

[22] *The Silmarillion* (published by Christopher Tolkien), Valaquenta

Too great is her beauty to be declared in the words of Men or of Elves; for the light of Ilúvatar lives still in her face.

[23] *The Silmarillion* (published by Christopher Tolkien) Quenta Silmarillion, ch. 3

Thus it was that when Nahar neighed and Oromë indeed came among them, some of the Quendi hid themselves, and some fled and were lost. But those that had courage, and stayed, perceived swiftly that the Great Rider was no shape out of darkness; for the light of Aman was in his face, and all the noblest of the Elves were drawn towards it.

[24] *The Silmarillion* (published by Christopher Tolkien), **Quenta Silmarillion.** ch. 4

...and there Melian stood; <...>and the light of Aman was in her face.

[25] *The Silmarillion* (published by Christopher Tolkien), **Valaquenta** He delights in wrestling and in contests of strength; and he rides no steed, for he can outrun all things that go on feet, and he is tireless. <...> his weapons are his hands.

[26] *The Silmarillion* (published by Christopher Tolkien), **Quenta** Silmarillion ch. 3

Then Tulkas stood forth as champion of the Valar and wrestled with him [Melkor], and cast him upon his face.

[27] *The Silmarillion* (published by Christopher Tolkien), **Quenta Silmarillion**, ch. 8

Now Melkor came to Avathar and sought her out; and he put on again

Палантир №67

the form that he had worn as the tyrant of Utumno: a dark Lord, tall and terrible. In that form he remained ever after.

[28] *The Silmarillion* (published by Christopher Tolkien), Valaquenta

Oromë is a mighty lord. If he is less strong than Tulkas, he is more dreadful in anger.

[29] *The Silmarillion* (published by Christopher Tolkien) **Quenta Silmarillion**, ch. 3

Yet many of the Quendi were filled with dread at his coming; and this was the doing of Melkor.

[30] The Silmarillion (published by Christopher Tolkien), Valaquenta

The Valaróma is the name of his great horn, the sound of which is like the upgoing of the Sun in scarlet, or the sheer lightning cleaving the clouds.

[31] *The Silmarillion* (published by Christopher Tolkien), Valaquenta

If the Children of Eru beheld him [Ulmo] they were filled with a great dread; for the arising of the King of the Sea was terrible, as a mounting wave that strides to the land, with dark helm foamcrested and raiment of mail shimmering from silver down into shadows of green. The trumpets of Manwë are loud, but Ulmo's voice is deep as the deeps of the ocean which he only has seen.

Когда Детям Эру случалось видеть его [Улмо], их наполнял великий ужас: ибо явление Короля Моря было чудовищно, как возвышающаяся волна, что идёт на землю, с тёмным шлемом, украшенным пеной, в кольчужном облачении, мерцающим переливами от серебра до зелёных теней. Фанфары Манвэ громки, но голос Улмо глубок как глубины окена, которые видел лишь он один.

[32] The Unfinished Tales, Of Tuor and His Coming to Gondolin

...and it grew cold, and there was a stirring and murmur as of a storm to come. And Tuor stood upon the shore, and the sun was like a smoky fire behind the menace of the sky; and it seemed to him that a great wave rose far off and rolled towards the land, but wonder held him, and he remained there unmoved. And the wave came towards him, and upon it lay a mist of shadow. Then suddenly as it drew near it curled, and broke, and rushed forward in long arms of foam; but where it had broken there stood dark against the rising storm a living shape of great height and majesty.

Then Tuor bowed in reverence, for it seemed to him that he beheld a mighty king. A tall crown he wore like silver, from which his long hair fell down as foam glimmering in the dusk and as he cast back the grey mantle that hung about him like a mist, behold! he was clad in a gleaming coat, close-fitted as the mail of mighty fish, and in a kirtle of deep green that flashed and flickered with sea-fire as he strode slowly towards the land. In this manner the Dweller of the Deep, whom the Noldor name Ulmo, Lord of Waters, showed himself to Tuor son of Huor of the House of Hador beneath Vinyamar.

He set no foot upon the shore, but standing knee-deep in the shadowy sea he spoke to Tuor, and then for the light of his eyes and for the sound of his deep voice that came as it seemed from the foundations of the world, fear fell upon Tuor and he cast himself down upon the sand. <...> Then it seemed to Tuor that Ulmo parted his grey mantle, and cast to him a lappet, and as it fell about him it was for him a great cloak wherein he might wrap himself over all, from head to foot. <...> And as Ulmo said these things the mutter of the storm rose to a great cry, and the wind mounted, and the sky grew black; and the mantle of the Lord of Waters streamed out like a flying cloud. <...> Then there was a noise of thunder, and lightning flared over the sea; and Tuor beheld Ulmo standing among the waves as a tower of silver flickering with darting flames; and he cried against the wind:

"I go, Lord! Yet now my heart yearneth rather to the Sea."

And thereupon Ulmo lifted up a mighty horn, and blew upon it a single great note, to which the roaring of the storm was but a wind-flaw upon a lake.

Похолодало; море волновалось и рокотало, словно в преддверии бури. И Туор стоял на берегу; и из-за грозной тучи солнце пылало, как дымный костёр. И показалось Туору, что вдали из моря восстала огромная волна и медленно покатилась к земле; но он остался на месте, застыв от изумления. А волна всё приближалась, окутанная туманным сумраком. Неподалёку от берега её гребень изогнулся, рухнул вниз и хлынул на песок длинными пенными рукавами; но в том месте, где рассыпалась волна, на фоне надвигающихся туч темнела огромная, величественная фигура.

Туор благоговейно склонился пред ней, ибо ему почудилось, что он зрит могучего царя. Высокая, словно бы серебряная корона венчала его, а из-под нее струились длинные кудри, мерцающие во мраке, как пена морская; шествуя к берегу, он откинул свой серый плащ, который окутывал его подобно туману, и се! под плащом оказалась сияющая кольчуга, облекавшая его тело, точно чешуя могучей рыбы, и тёмнозелёный кафтан, блиставший и переливавшийся морскими огнями. Так Живуший в глубинах, которого нолдор зовут Улмо. Владыка Вод. явилс

Живущий в глубинах, которого нолдор зовут Улмо, Владыка Вод, явился Туору сыну Хуора из рода Хадора пред чертогами Виньямара.

Он не вышел на берег, но остановился по колено в тёмной воде и заговорил с Туором; но свет его очей и глубокий голос, исходивший, казалось, из самого основания мира, поразили Туора страхом, и он повергся ниц. <...> И почудилось Туору, что Улмо разорвал свою серую мантию и бросил ему лоскут — и тот был так велик, что окутал Туора с головы до ног, словно огромный плащ. <...> Пока Улмо говорил, ропот ветра обратился в гул, и небо почернело; и плащ Владыки Вод развевался на ветру, подобно туче. <...> Раздался удар грома, и над морем сверкнула молния; и Туор узрел Улмо, возвышающегося над волнами подобно серебряной башне, полыхающей отблесками света; и он прокричал навстречу ветру:

– Иду, владыка! Но всё же сердце моё стремится к Морю.

И тогда Улмо воздел огромный рог, и над морем разнесся протяжный звук – рёв бури рядом с ним был не громче шепота ветерка над озером *(перевод А. Хромовой)*

[33] The Unfinished Tales, Of Tuor and His Coming to Gondolin

Then clasping Voronwë close he [Tuor] cast about them both the folds of the grey cloak of the Lord of Waters, and stepped forth. <...> The watchers had scented them and heard them, but they were not seen. The hunt was out.

[34] The Silmarillion (published by Christopher Tolkien), Quenta Silmarillion, ch. 18

Therefore Morgoth came, climbing slowly from his subterranean throne, and the rumour of his feet was like thunder underground. And he issued forth clad in black armour; and he stood before the King like a tower, iron-crowned, and his vast shield, sable on-blazoned, cast a shadow over him like a stormcloud. But Fingolfin gleamed beneath it as a star; for his mail was overlaid with silver, and his blue shield was set with crystals; and he drew his sword Ringil, that glittered like ice. Then Morgoth hurled aloft Grond, the Hammer of the Underworld, and swung it down like a bolt of thunder. But Fingolfin sprang aside, and Grond rent a mighty pit in the earth, whence smoke and fire darted. Many times Morgoth essayed to smite him, and each time Fingolfin leaped away, as a lightning shoots from under a dark cloud; and he wounded Morgoth with seven wounds, and seven times Morgoth gave a cry of anguish, whereat the hosts of Angband fell upon their faces in dismay, and the cries echoed in the Northlands. <...> Morgoth set his left foot upon his neck, and the weight

of it was like a fallen hill.

[35] *The Silmarillion* (published by Christopher Tolkien), **Quenta Silmarillion**, ch. 18 And Morgoth took the body of the Elven-king and broke it.

[36] HoME-X, Myths transformed, "Text II"

And he sought ever for Arda and Manwë, his brother, begrudging him the kingship, small though it might seem to his desire and his potency; for he knew that to that kingship Ilúvatar designed to give the highest royalty in Eä, and under the rule of that throne to bring forth the Children of God. And in his thought which deceived him, for the liar shall lie unto himself, he believed that over the Children he might hold absolute sway and be unto them sole lord and master, as he could not be to spirits of his own kind, however subservient to himself. For they knew that the One Is, and must assent to Melkor's rebellion of their own choice; whereas he purposed to withhold from the Children this knowledge and be for ever a shadow between them and the light.

As a shadow Melkor did not then conceive himself. For in his beginning he loved and desired light, and the form that he took was exceedingly bright; and he said in his heart: "On such brightness as I am the Children shall hardly endure to look; therefore to know of aught else or beyond or even to strain their small minds to conceive of it would not be for their good."But the lesser brightness that stands before the greater becomes a darkness.

[37] The Silmarillion (published by Christopher Tolkien), Quenta Silmarillion, ch. 18

Thorondor came hasting from his eyrie among the peaks of the Crissaegrim, and he stooped upon Morgoth and marred his face. The rushing of the wings of Thorondor was like the noise of the winds of Manwë, and he seized the body in his mighty talons, and soaring suddenly above the darts of the Orcs he bore the King away.

[38] The Silmarillion (published by Christopher Tolkien), Quenta Silmarillion, ch. 13

Thorondor, King of Eagles, mightiest of all birds that have ever been, whose outstretched wings spanned thirty fathoms.

[39] *The Silmarillion* (published by Christopher Tolkien), **Quenta Silmarillion**, ch. 1 ...they [Valar] raised the Pelóri, the Mountains of Aman, highest upon Earth.

[40] The Lord of the Rings, Book III, ch. $4\,$

They found that they were looking at a most extraordinary face. It belonged to a large Manlike, almost Troll-like, figure, at least fourteen foot high, very sturdy, with a tall head, and hardly any neck.

Whether it was clad in stuff like green and grey bark, or whether that was its hide, was difficult to say. At any rate the arms, at a short distance from the trunk, were not wrinkled, but covered with a brown smooth skin. The large feet had seven toes each. The lower part of the long face was covered with a sweeping grey beard, bushy, almost twiggy at the roots, thin and mossy at the ends. But at the moment the hobbits noted little but the eyes. These deep eyes were now surveying them, slow and solemn, but very penetrating. They were brown, shot with a green light. Often afterwards Pippin tried to describe his first impression of them.

[41] *The Silmarillion* (published by Christopher Tolkien), **Quenta Silmarillion**, ch. 5

In Tirion upon Túna the Vanyar and the Noldor dwelt long in fellowship. And since of all things in Valinor they loved most the White Tree, Yavanna made for them a tree like to a lesser image of Telperion, save that it did not give light of its own being; Galathilion it was named in the Sindarin tongue. This tree was planted in the courts beneath the Mindon and there flourished, and its seedlings were many in Eldamar. Of these one was afterwards planted in Tol Eressëa, and it prospered there, and was named Celeborn.

[42] Imram, or The Death of St. Brendan

To a dale we came like a silver grail with carven hills for rim. In that hidden land we saw there stand under a moonlight dim a Tree more fair than ever I deemed in Paradise might grow: its foot was like a great tower's root, its height no man could know; and white as winter to my sight the leaves of that Tree were; they grew more close than swan-wing plumes. long and soft and fair. As a green cup, deep in a brim of green, that with wine the white sun fills was the land we found, and we saw there stand on a laund between the hills a tree more fair than ever I deemed might climb in Paradise: its foot was like a great tower's root, it height beyond men's eyes; so wide its branches, the least could hold in shade an acre long, and they rose as steep as mountain-snows those boughs so broad and strong; for white as a winter to my sight the leaves of that tree were, they grew more close than swan-wing plumes, all long and soft and fair.

[43] HoME-XI, The Later Quenta Silmarillion, "The Last Chapters"

§15. "the Light-elves of Valinor" > "the Light-elves in Valinor"; "the sons of the Gods were young and fair and terrible" > "the host of the Gods were arrayed in forms of Valinor".

[44] HoME-I, The coming of the Elves and the Making of Kôr

But Nornorë stood upon a hill and was amazed for the beauty of that folk, and because he was a Vala they seemed to him marvellously small and delicate and their faces wistful and tender.

[45] The Unfinished Tales, The Istari

Among Men they were supposed (at first) by those that had dealings with them to be Men who had acquired lore and arts by long and secret study. <...> Men, therefore, grew to fear them, even when they loved them, and they were held to be of the Elven-race (with whom, indeed, they often consorted).

Yet they were not so. For they came from over the Sea out of the Uttermost West; though this was for long known only to Cirdan, Guardian of the Third Ring, master of the Grey Havens, who saw their landings upon the western shores. Emissaries they were from Lords of the West, the Valar, who still took counsel for the governance of Middle-earth, and when the shadow of Sauron began first to stir again took this means of resisting him. For with the consent of Eru they sent members of their own high order, but clad in bodies of as of Men, real and not feigned, but subject to the fears and pains

and weariness of earth, able to hunger and thirst and be slain; though because of their noble spirits they did not die, and aged only by the cares and labours of many long years. And this the Valar did, desiring to amend the errors of old, especially that they had attempted to guard and seclude the Eldar by their own might and glory fully revealed; whereas now their emissaries were forbidden to reveal themselves in forms of majesty, or to seek to rule the wills of Men and Elves by open display of power, but coming in shapes weak and humblewere bidden to advise and persuade Men and Elves to good, and to seek to unite in love and understanding all those whom Sauron, should he come again, would endeavour to dominate and corrupt.

Люди, которым доводилось иметь с ними дело, поначалу думали, что истари – тоже люди, обретшие мудрость, знания и необычайные способности путем длительных тайных изысканий. <...> Люди начали побаиваться их – даже те, кто их любил, – и причислять их к народу эльфов (с которыми волшебники и вправду общались довольно часто).

Но волшебники не были эльфами. Они пришли из-за моря, с Заокраинного Запада. хотя долгое время об этом знал лишь Кирдан, хранитель Третьего Кольца, владыка Серых Гаваней, который видел, как они прибыли к западным берегам. Они были посланцами Владык Запада, валар, которые по-прежнему заботились о Средиземье, - и когда снова пробудилась тень Саурона, валар избрали этот способ, дабы противостоять ему. С дозволения Эру они отправили посланцев, принадлежащих к их собственному высокому чину, но облачённых в человеческие тела, - не просто зримые обличья, но настоящие тела, подверженные и страху, и боли, и земной усталости, способные испытывать голод и жажду, и даже погибнуть; однако благодаря обитающему в их телах благородному духу они не умирали, а лишь старились от многолетних трудов и забот. Валар поступили так потому, что желали исправить ошибки прошлого – особенно то, что они пытались хранить и опекать эльдар, являясь во всей своей мощи и славе; теперь же их посланцам запрещено было являть своё величие или пытаться управлять волей людей и эльфов, открыто проявляя свою силу. Они явились в обличье слабых и смиренных существ, и им велено было давать людям и эльфам советы и склонять их к добру, и стараться объединить в любви и понимании всех тех, кого Саурон, буде он возвратится, постарается подчинить себе и развратить.

[46] The Silmarillion (published by Christopher Tolkien), Valaquenta

Their number is not known to the Elves, and few have names in any of the tongues of the Children of Ilúvatar; for though it is otherwise in Aman, in Middle-earth the Maiar have seldom appeared in form visible to Elves and Men.

[47] The Silmarillion (published by Christopher Tolkien), Valaquenta

But of Olórin that tale does not speak; for though he loved the Elves, he walked among them unseen, or in form as one of them, and they did not know whence came the fair visions or the promptings of wisdom that he put into their hearts.

63

